

ШЕДЕВРЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ДЕТЕКТИВА

ЭЛЛИС ПИТЕРС

СМЕРТЬ НА ЗЕМЛЕ ГОРШЕЧНИКА

РИПОЛ КЛАССИК

Хроники брата Кадфаэля

Эллис Питерс

Смерть на земле горшечника

«РИПОЛ Классик»

1989

УДК 82-32
ББК 84(4Вел)

Питерс Э.

Смерть на земле горшечника / Э. Питерс — «РИПОЛ Классик»,
1989 — (Хроники брата Кадфаэля)

ISBN 978-5-38-614906-2

Во время пахоты на поле, недавно отошедшем аббатству святых Петра и Павла, обнаруживают останки женщины. Прежде эту землю арендовал горшечник, поступивший в обитель. Считалось, что его жена бежала с любовником. Однако зловещая находка проливает новый свет на исчезновение женщины.

УДК 82-32
ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-38-614906-2

© Питерс Э., 1989
© РИПОЛ Классик, 1989

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	16
Глава третья	24
Глава четвертая	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Эллис Питерс

Смерть на земле горшечника

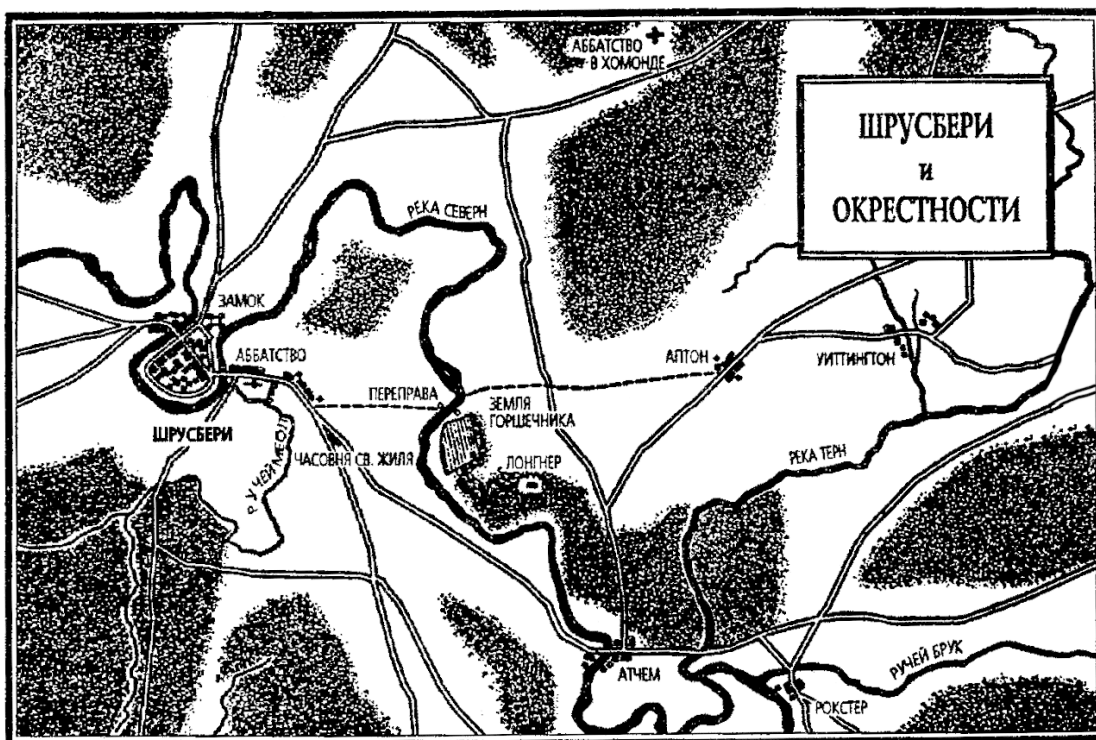
ELLIS PETERS
The Potter's Field
1989

© Storyside. 2022

© Толстая Н., наследники, перевод на русский язык, 2023

© Оформление ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2023

* * *

Видите того пожилого монаха
в подоткнутой рясе? Сейчас утро, и брат Кадфаэль
возится в своем садике:
собирает лекарственные травы,
ухаживает за кустами роз.
Вряд ли кому придет в голову,
что перед ним – бывший участник
крестовых походов, повидавший полмира
бравый вояка и покоритель женских сердец.
Однако брату Кадфаэлю приходится зачастую
выступать не только в роли врачевателя
человеческих душ и тел, но и в роли

весьма удачливого, снискавшего славу детектива,
ведь тревоги мирской жизни не обходят стороной
тихую бенедиктинскую обитель.
Не забудем, что действие «Хроник брата Кадфаэля»
происходит в Англии XII века,
где бушует пожар междоусобной войны.
Императрица Матильда и король Стефан
не могут поделить трон, а в подобной неразберихе
преступление – не такая уж редкая вещь.
Так что не станем обманываться
мирной тишиной этого утра.
В любую секунду все может измениться...

Глава первая

В 1143 году, через неделю после закрытия ярмарки, приуроченной ко дню святого Петра, монахи бенедиктинского монастыря Святых Петра и Павла вернулись к своим обычным занятиям. Было начало августа, стояла сухая, благодатная погода, и урожай хлебов уже свезен был в амбары. Посчитав, что это подходящее время, брат Мэтью, келарь, вынес на обсуждение капитула суть одного дела, которое он во время ярмарки уже несколько раз обсуждал с приором августинского монастыря Святого Апостола Иоанна, что в Хомонде, в четырех милях к северо-востоку от Шрусбери.

Хомонд был оплотом Фицалана, а сам он, сторонник императрицы Матильды, попал в немилость к королю Стефану и был вынужден бежать после того, как пала под натиском королевского войска обороняемая им крепость Шрусбери. Впрочем, ходили слухи, будто Фицалан, вернувшись после своего бегства во Францию, вновь оказался в Бристоле, в войске императрицы. Как бы там ни было, многие из арендаторов Фицалана считали себя подданными короля Стефана; они не покладая рук трудились на своих угодьях, и Хомонд процветал. Так что монастырь Святого Апостола Иоанна был в высшей степени достойным и выгодным соседом, с которым можно было при случае иметь дело, причем к обоюдной пользе, а тут, как считал брат Мэтью, как раз и представился такой случай.

– Предложение об обмене участками земли исходило от обители в Хомонде, – сказал он на собрании капитула. – Но это выгодно для обеих монастырей. Я уже представил все необходимые данные отцу настоятелю и приору Роберту, у меня есть черновые планы обоих земельных участков, о которых идет речь, оба они примерно равны по площади и по прочим своим достоинствам. Один участок, которым владеет наш монастырь, расположен в нескольких милях от Хотона и со всех сторон окружен землей, подаренной Хомондской обители. Так что нашим соседям выгодно присоединить этот участок к своим владениям. Ведь они сэкономят на этом время и силы для его обработки. А земля, которую обитель в Хомонде желает обменять, расположена на ближайшем к нам участке манора Лонгнер, всего в двух милях от нашего аббатства и довольно далеко от Хомонда, что для них явно неудобно. Здравый смысл подсказывает, что следует согласиться на этот обмен. Я уже видел эту землю и считаю, что нам это выгодно. Таково мое мнение.

– Если эта земля – на ближайшем к нам участке манора Лонгнер, – подал голос брат Ричард, субприор, уроженец здешних мест, хорошо знающий окрестности, – то она должна быть расположена близко к реке. Не грозит ли этому участку наводнение? – спросил он, обратившись к брату Мэтью.

– Нет, не грозит. Северн протекает рядом – это верно, но берег со стороны реки высокий, луг отлого поднимается вверх, к вершине холма, где растут деревья и кустарники. На берегу реки было несколько ям с глиной, но, думаю, глины в них уже нет. Это поле называют Землей Горшечника. Кстати, это та самая земля, которую арендовал брат Руалд еще пятнадцать месяцев тому назад, до того как решил принять постриг в нашем монастыре.

Легкое движение прошло по залу – все присутствующие повернулись в одном направлении, и их взгляды остановились на брате Руалде. Это был молчаливый и серьезный монах, еще не старый, но возраст которого трудно было определить, благообразный, с правильными чертами вытянутого, аскетического лица. Брат Руалд все еще проводил молитвенные дневные часы, погруженный в некий экстаз, ведь он лишь два месяца назад принял монашеские обеты. Непреодолимое желание стать монахом, которое он почувствовал после пятнадцати лет супружеской жизни и двадцати пяти лет, отданных гончарному ремеслу, стало таким необоримым, что он не в силах был этому противостоять и обрел душевное успокоение только тогда, когда смог попасть в монастырское братство. И это чувство покоя с тех пор, казалось, не покидало

его. Вот и сейчас, когда все взгляды были обращены на него, брат Руалд оставался совершенно спокоен. Каждому была известна его история, запутанная и странная, но это его ничуть не смущало. Главным для него было то, что он достиг своей цели.

– Это – доброе пастбище, – после короткого молчания ответил он на незаданный вслух вопрос. – А при необходимости его можно вспахать и засеять. Лежит это поле гораздо выше обычного уровня подъема воды в Север-не. Конечно, я могу говорить только о том, что знаю.

– Это поле, кажется, чуть меньше по площади, – рассудительно заметил брат Мэтью, рассматривая план на пергаменте. Склонив голову набок и прищулив один глаз, он прикидывал размеры участков. – Но такое удобное расположение позволит нам тоже сберечь и время, и силы. Я уже сказал, что считаю этот обмен честным и справедливым.

– Земля Горшечника! – медленно произнес приор Роберт. – Так ведь называлась земля, купленная за тридцать сребреников, полученных Иудой за свое предательство. В ней хоронили бездомных бродяг. Надеюсь, это название не послужит дурным предзнаменованием.

– Но это поле так прозвали благодаря моему ремеслу, – ответил Руалд. – Я ведь гончар, иначе – горшечник. А земля всегда безгрешна. Ее могут запятнать лишь наши поступки. Я честно трудился на ней, пока не понял, к чему на самом деле мне следует стремиться. А земля эта добрая. Она может принести гораздо больше пользы, чем моя мастерская и печь для обжига. Для них хватило бы и узкого двора.

– А удобен ли доступ к этому полю? – осведомился брат Ричард. – Ведь оно лежит далеко от проезжей дороги, на другой стороне реки.

– Затруднений не возникнет, – ответил брат Руалд. – Немного вверх по течению есть брод, а совсем близко к участку имеется и переправа.

– Ведь эту землю год назад подарил Хомонду Юдо Блаунт-старший, владелец Лонгнера, – напомнил присутствующим брат Ансельм. – Будет ли он участвовать в этом обмене? С ним уже велись переговоры, он не возражает? – обратился он к брату Мэтью.

– Я должен напомнить, – ответил келарь, как всегда хорошо осведомленный обо всем происходящем в округе, – что Юдо Блаунт-старший скончался в начале этого года в Уилтоне. Он находился в арьергарде, прикрывавшем отступление королевского войска. Нынешний владелец Лонгнера – его сын, тоже Юдо. Да, с ним мы говорили и не встретили никаких возражений. Подаренная его отцом земля является собственностью обителя в Хомонде и может быть использована нашими соседями с наибольшей для них выгодой, чему явно послужит этот обмен. Так что никаких препятствий нет.

– А не будет ли для нас каких-нибудь ограничений при распоряжении этой землей? – строго спросил приор. – Соглашение будет составлено на обычных условиях? То есть каждая из сторон вольна будет по своему усмотрению использовать эту землю – строить на ней, или же распахать ее, или устроить пастбище?

– Да, это оговорено. Нам не воспрещается любое ее использование.

– Сдается мне, – вступил в разговор настоятель, аббат Радульфус, обведя взглядом свою паству, – сегодня мы уже выслушали достаточно по этому вопросу. Но если кто-то желает что-то добавить, пускай говорит.

Воцарилось молчание. Многие вновь обратили свой взор на серьезное лицо брата Руалда, ожидая, не скажет ли он чего-нибудь еще. Но тот вновь погрузился в свои мысли. А ведь никто лучше него не знал достоинств этой земли, ведь он арендовал ее много лет! Видно, он сказал все, что должен был сказать, и не считал нужным что-либо к этому добавлять. После того как он ушел в монастырь и посвятил себя Богу, все, что было связано с его прошлой жизнью – земля, дом, ремесло, его близкие, – все для него, как видно, перестало существовать. Он ни с кем не делился своим прошлым, возможно, он никогда о нем и не вспоминал. За все время, проведенное в монастыре, он ни разу не изъявил желания навестить свой покинутый дом.

– Хорошо, – подытожил аббат, – мне ясно, что обе стороны только выигрывают от этого обмена. Теперь, брат Мэтью, посоветуйся с приором, составь нужные бумаги, и, как только будет определен срок обмена, мы засвидетельствуем эти документы и скрепим печатью. А после этого пусть брат Ричард и брат Кадфаэль осмотрят участок и решат, как нам лучше использовать его, чтобы извлечь наибольшую пользу.

Брат Мэтью с удовлетворенным видом кивнул и проворно убрал бумаги. В его обязанности входило следить за монастырскими владениями, контролировать денежные средства, оценивать землю, урожай, разного рода дарения в пользу аббатства Святых Петра и Павла. Он уже оценил Землю Горшечника, руководствуясь опытом и проницательностью, и результаты оценки его порадовали.

– Есть еще какие-нибудь вопросы? – спросил аббат Радульфус.

– Нет, отец аббат! – ответил за всех келарь.

– Тогда на этом и закончим, – сказал аббат, вставая, что послужило сигналом и остальным.

Все стали расходиться. Аббат, выйдя из здания, где проходило собрание капитула, направился к кладбищу, поросшему травой, добела высушенной августовским солнцем.

Когда брат Кадфаэль после вечерни отправился в город, стояла прекрасная погода, и он с наслаждением подставлял лицо нежарким солнечным лучам. Кадфаэль намеревался поужинать со своим другом, шерифом Хью Берингаром, а заодно и навестить его сына Жилья – своего крестника, крепкого и сильного мальчугана трех с половиной лет, любимца и маленького тирана всех домочадцев.

По праву крестного отца Кадфаэль опекал мальчика. Он посещал дом Хью с разумной регулярностью, и хотя время, которое он проводил с Жилем, было больше заполнено играми, нежели назиданиями, ни Жиль, ни его родители ничуть против этого не возражали.

– Он тебя больше слушается, чем меня, – сказала Элин с ласковой улыбкой, обращаясь к Кадфаэлю, который, едва переступив порог, сразу начал возиться с ее сыном. – Боюсь, он надоест тебе прежде, чем ты сможешь ему что-нибудь внушить. Хорошо, что ему уже пора спать.

Хью был брюнет, а у Элин волосы были льняными. Тонкая и стройная, ростом она была чуть выше мужа. Сын и телосложением, и цветом волос походил на мать. Когда-нибудь он станет на голову выше отца. Сам Хью это предсказал, когда увидел новорожденного сына – зимнего ребенка, появившегося на свет под Рождество, – самый дорогой подарок к празднику. Теперь, в три с половиной года, Жиль отличался неумной энергией здорового щенка и, подобно щенку, засыпал сразу же, как только чувствовал усталость. Элин сама отнесла его в кровать, а Хью с Кадфаэлем продолжали сидеть за столом и, попивая вино, дружески беседовали, перебирая события минувшего дня.

– Земля Руалда? – переспросил Хью, выслушав рассказ брата Кадфаэля об утреннем собрании капитула. – Это что, тот самый участок у реки, на ближней к нам стороне манора Лонгнер, где у Руалда была мастерская? Да, я помню, как эту землю передали в дар монастырю в Хомонде. Это было в начале октября прошлого года. Блаунты ведь всегда покровительствовали аббатству в Хомонде. Но, похоже, ваши соседи не смогли как следует использовать этот подарок. Так что обмен – дело хорошее. В ваших руках эту землю ждет лучшая участь.

– Давненько мне не случалось наведываться туда, – сказал Кадфаэль. – Ты не знаешь, отчего это поле было в таком небрежении? С тех пор как Руалд пришел к нам в монастырь, в его мастерской, я знаю, никто не работал. Но в конце концов аббатство в Хомонде отдало его дом в аренду.

– Да, старухе вдове. А ей разве под силу было заниматься землей? Теперь она перебралась в город, к дочери. Печь для обжига растащили по камушку, а дом совсем обветшал. Сейчас

самое время навести там порядок. В этом году монахи из Хомонда даже не стали сушить там сено, так что они рады-радешеньки сбыть эту землю с рук.

– Это устраивает обе стороны, – задумчиво сказал Кадфаэль. – Как сообщил брат Мэтью, возражений нет и у нового хозяина Лонгнера, молодого Юдо Блаунта. Думаю, приор обители в Хомонде наверняка спросил у него об этом заранее – ведь землю передал в дар аббатству его отец, Блаунт-старший. Жаль, – промолвил брат Кадфаэль со вздохом, – что даритель ушел к своему Творцу и сейчас его сыну приходится решать за него все вопросы.

Юдо Блаунт-старший, владелец манора Лонгнер, оставил свои земли на попечение сына всего через несколько недель после того, как он подарил Землю Горшечника аббатству в Хомонде, и присоединился к войску короля Стефана, чтобы участвовать в осаде Оксфорда, где находилась со своей армией императрица Матильда. В этом сражении он остался жив, но пару месяцев спустя ему суждено было погибнуть при неожиданном поражении королевского войска при Уилтоне. Король, как это случалось уже не в первый раз, недооценил своего противника. Граф Роберт Глостерский не рассчитал скорости, с которой двигался противник, и, бросившись вперед со своим авангардным отрядом, оказался в весьма опасном положении. Сам он смог прорваться благодаря героическим действиям арьергарда, но это стоило Уильяму Мартелю, королевскому вестовому, свободы, а Юдо Блаунту – жизни. Король Стефан, чтобы сохранить честь своих знамен, заплатил большой выкуп за освобождение Мартеля. Но никто в этом мире уже не мог воскресить Юдо Блаунта. Владельцем Лонгнера стал его старший сын, а младший – припомнил Кадфаэль – был послушником в аббатстве Рэмзи, и он в марте привез домой тело отца, чтобы похоронить его в родной земле.

– Юдо Блаунт был высокий, крупный мужчина, лет сорока двух, сорока трех, – задумчиво проговорил Хью. – И как хорош собой! Сыновья ни в какое сравнение с ним не идут! Как странно иногда судьба распоряжается людьми! Вдова Блаунта старше его на несколько лет, и вдобавок ее терзает тяжелая болезнь, вконец ее изнурившая, она, говорят, мучается невыносимыми болями, но все еще живет на белом свете, а муж ее, сильный и здоровый, – умер. Кстати, хозяйка Лонгнера, должно быть, тоже пользуется твоими снадобьями? Я запомнил, как ее зовут.

– Доната, – ответил Кадфаэль, – ее зовут Доната. Ты сейчас упомянул о снадобьях, и я вспомнил, что было время, когда ее служанка постоянно приходила ко мне за ними – от моих лекарств ей становилось немного легче. Последний раз это было примерно год назад. Я думал, что ей полегчало и она уже не нуждается в моей помощи. Но есть такие болезни, излечить которые я, с моими скромными познаниями, не в силах.

– Я видел ее на похоронах Юдо, – сказал Хью, нахмурившись и посмотрев почему-то на открытую дверь. Там, в саду, уже сгущались сумерки. – Нет, она не поправилась, наоборот, она настолько исхудала, что от нее остались лишь кожа да кости. Кажется, что если она поднимет руку, то рука будет просвечивать. Лицо у нее серое, как листья лаванды, и все в глубоких морщинах. Юдо Блаунт послал за мною, когда решил отправиться в королевское войско и участвовать в осаде Оксфорда. Удивляюсь, как это он смог оставить жену в таком состоянии. Тем более что Стефан не призывал его к себе, а даже если бы и призвал, Юдо незачем было ехать самому. Его прямым долгом было бы послать вместо себя одного вооруженного конного рыцаря. Он же привел в порядок свои дела, оставил старшего сына распоряжаться манором и уехал.

– Вполне возможно, – предположил Кадфаэль, – что ему стало невозможно находиться дома – каждый день наблюдать, как страдает жена, не будучи в силах ей помочь.

Оба собеседника не повышали голоса, и Элин, вошедшая в этот момент в гостиную, не слышала, о чем они говорили. Один вид ее, счастливой жены и матери, довольной и лучающейся радостью, прогнал прочь все грустные мысли и помог обоим мужчинам хоть ненадолго стряхнуть с себя все заботы; они не хотели нарушать безмятежного спокойствия Элин. Она пришла,

чтобы немного посидеть с ними, и руки ее отдыхали, потому что было уже слишком темно, чтобы шить или прясть, а теплый, мягкий вечер был так красив, что не хотелось зажигать свечи.

– Жиль заснул быстро, он уже дремал, когда произносил молитву, – сказала Элин. – Но он может в любой момент проснуться и потребовать, чтобы Констанс рассказала ему какую-нибудь сказку. Он привык, чтобы перед сном ему что-то рассказывали или читали, а привычка есть привычка. Впрочем, я и сама жду рассказа, – улыбнулась Элин, глядя на Кадфаэля, – прежде чем ты нас покинешь. Какие новости в аббатстве? После ярмарки я ходила только на обедню в церковь Святой Девы Марии. Как ты считаешь, ярмарка в этом году удалась? Фламандских товаров в этот раз оказалось меньше, чем обычно, но все равно ткани были отличные. А я еще удачно купила добротную уэльскую шерсть – для зимы. Шериф, – тут она, состроив озорную гримаску, посмотрела на мужа, – совсем не заботится об одежде, а я не допущу, чтобы мой муж носил всякое старье и замерзал в морозы. Ты не поверишь, Кадфаэль, его лучшей домашней одежде целых десять лет! Я уже дважды меняла подкладку, а он так и не желает с ней расстаться.

– Лучшие слуги – это старые слуги, – рассеянно произнес Хью. – По правде говоря, только привычка заставляет меня подыскивать себе одежду. Впрочем, ты, душа моя, можешь, когда пожелаешь, одеть меня во все новое. – Он улыбнулся и продолжал: – Теперь касательно новостей. Кадфаэль сейчас рассказывал, что монастыри в Шрусбери и Хомонде согласны обменяться участками земли. Участок, что зовется Землей Горшечника, рядом с Лонгнером, перейдет к нашему аббатству, и там, скорее всего, будет пашня. Я прав, Кадфаэль?

– Вполне вероятно, – согласился тот. – Во всяком случае, там, где повыше и подальше от реки, а внизу должен быть выгон.

– Я обычно покупала у Руалда его изделия, – сказала Элин, и в голосе ее был оттенок грусти. – Он хорошо знал свое ремесло. Я не могу до сих пор взять в толк, что заставило его уйти в монастырь. Это произошло так внезапно!

– Кто знает! – Кадфаэль мысленно обратился назад, ко временам своей уже далекой молодости, что с ним случалось теперь все реже, к поворотному моменту его жизни.

Он много путешествовал на своем веку, участвовал в сражениях, терпел палящий зной и ледяной холод, переносил всякие невзгоды, испытывал радость и горесть – в результате приобрел бесценный жизненный опыт, но внезапно охватившее его непреодолимое желание бросить все и удалиться под мирный монастырский кров так и осталось для самого Кадфаэля загадкой. Нет, он не искал в монастыре убежища. Скорее, это было стремление к свету и желание обрести наконец покой и некую определенность.

– Руалд не в силах был объяснить причину своего поступка, – продолжал он, вернувшись к действительности, – лишь утверждал, что получил откровение от Господа и пошел по указанному пути, который привел его туда, куда и должен был привести. Такое случается. Думаю, что наш аббат Радульфус вначале отнесся к нему с подозрением. Он положил ему полный срок послушничества – и даже сверх того. Желание Руалда приобщиться к монастырской жизни было столь сильным, что вызвало у нашего настоятеля не менее сильные подозрения. Этот человек был пятнадцать лет женат, и жена не хотела отпускать его. Руалд оставил ей все, что положено, и даже больше того, но она этим пренебрегла. Долго она боролась против его решения, но Руалд оставался непреклонен. После его ухода в монастырь она очень недолго оставалась в доме и совсем не занималась хозяйством. Через несколько недель она исчезла, оставив двери дома открытыми и не тронув ничего, что в нем находилось.

– Исчезла вместе с другим мужчиной, так рассказывают соседи, – заметил Хью, неодобрительно покачивая головой.

– Что ж, собственный муж бросил ее, – рассудительно сказал брат Кадфаэль. – Она терзалась из-за этого – таково общее мнение. Верно, и любовника-то завела из чувства мести. Ты когда-нибудь видел ее?

– Нет, – ответил Хью, – что-то не припомню.

– А я видела, – сказала Элин, – по рыночным дням, а также во время ярмарок – она помогала мужу торговать в палатке. Но на последней ярмарке ее не было... Ну конечно, ведь он уже с прошлого года находится в монастыре, а она покинула эти края. Вокруг много судачили о том, что Руалд ее бросил, и ей тяжело было, наверное, что о ней сплетничают. Женщины, что торговали на рынке, ее недолюбливали, а она, как видно, не заводила подруг, ни с кем не сближалась. И потом, знаете, жена Руалда очень красивая и не из наших краев. Много лет назад он привез ее из Уэльса, но она за все время, что здесь жила, так и не научилась как следует говорить по-английски, так и осталась чужестранкой. Видно, никто ей не был нужен, кроме Руалда. Неудивительно, что она так убивалась, когда он ее бросил. Соседки говорят, что она прямо-таки возненавидела его. Тогда-то и объявила, что у нее есть любовник и что она прекрасно обойдется без такого мужа, как Руалд. И все же она боролась за него, не хотела отпускать. Женщины легко переходят от любви к ненависти, особенно когда любовь не доставляет им ничего, кроме боли.

Элин умолкла – видно было, что она прониклась сочувствием к страданиям этой почти незнакомой ей женщины, – потом, словно очнувшись, хозяйка смущенно улыбнулась.

– Да ведь я, кажется, сплетничаю! – воскликнула она. – Что вы обо мне подумаете?! Эта история случилась год назад, теперь жена Руалда, должно быть, успокоилась. Разве так уж странно, что она вырвала корни, которые и были-то пущены здесь неглубоко, и когда Руалд ушел в монастырь – ушла и она в свой Уэльс, ни одной душе не сказав ни слова? С другим мужчиной или одна – но она ушла навсегда.

– Дорогая, – растроганно сказал Хью, с интересом выслушав жену, – ты никогда не перестанешь меня удивлять! Откуда тебе известна эта история? И отчего ты приняла ее так близко к сердцу?

– Я видела их обоих вместе на ярмарочной площади, в палатке. Этого достаточно. Она была такая красивая, такая пылкая и так любила его. А вы, мужчины, – в голосе Элин послышалась грусть, – прежде всего заботитесь о своих правах и желаниях, поступаете так, как вам заблагорассудится, – уходите в монастырь или отправляетесь на войну. А я женщина, и я понимаю, как жестоко обижена была жена Руалда. Разве она не имела права вмешаться? И разве вы когда-нибудь перестанете считать, что он имел право стать монахом. Но его уход в то же время не даровал ей свободу. Она не могла снова выйти замуж, потому что тот, кто был ее мужем, монах он или нет, еще жив. Разве это справедливо? Едва ли!.. Надеюсь, что она ушла с возлюбленным, это лучше, чем продолжать жить и страдать в одиночестве.

Смеясь и одновременно вздыхая, Хью притянул к себе жену:

– Дорогая хозяйшюка, в твоих словах много справедливого, но мир полон несправедливости.

– И все же я считаю, что Руалд тут тоже не виноват, – сказала Элин, смягчаясь. – Я даже думаю, что он дал бы ей свободу, если б мог. Теперь она свободна, и я надеюсь, что, где бы она сейчас ни находилась, в ее жизни есть утешение. Я так думаю: если человек и вправду услышал Божье повеление, ему ничего другого не остается, как повиноваться, хотя он может дорого за это заплатить. Каким монахом он стал, Кадфаэль? Действительно ли он был не в силах противиться гласу Божию?

– Да, – отвечал брат Кадфаэль, – так оно и было. Руалд всецело отдался своей новой миссии. Я уверен, что у него не было иного выбора. – Монах помолчал в задумчивости – ему трудно было найти подходящие слова, чтобы определить ту степень самоотречения, на которую сам он не был способен. – Теперь он полностью защищен от любых внешних воздействий. Для нынешнего его состояния и добро, и зло – все благо. Если бы ему суждена была мученическая смерть, он бы принял ее с тем же спокойствием, что и блаженство. Сомневаюсь, чтобы он

вспоминал когда-нибудь о своей прошлой жизни в миру, где он прожил сорок лет, или о жене, которую бросил. Да, у Руалда не было другого выхода, не было выбора.

Элин не сводила с брата Кадфаэля широко раскрытых, цвета ирисов, глаз, невинных и в то же время весьма проницательных.

– А было ли с тобой такое, когда ты решил уйти в монастырь? – спросила она.

– Нет, у меня был выбор. И я его сделал. Это было трудно. Но я остановился на нем – и не жалею об этом. Я не такой избранник Божий, не святой, как Руалд.

– А он – святой? – с удивлением спросила Элин. – Не слишком ли легко он стал им?

Документ об обмене земли между аббатствами в Хомонде и Шрусбери был составлен, скреплен печатями и засвидетельствован в первые дни сентября. Выполняя распоряжение аббата, брат Кадфаэль и субприор Ричард отправились осматривать вновь приобретенный участок, чтобы определить, как его лучше всего использовать с наибольшей выгодой для аббатства. Когда они выходили из обители, еще не рассеялся утренний туман, но к тому времени, когда они достигли переправы, находившейся недалеко от Земли Горшечника – немного вверх по течению Северна, – солнечные лучи уже пробивались сквозь дымку, и сандалии монахов оставляли четкие следы на росистой траве. Другой берег, крутой и песчаный, во многих местах подмываемый течением, переходил в узкую полосу травы, за которой, на холме, росли кустарники и деревья. Выйдя из лодки на другой стороне Северна, монахи прошли вдоль этой полосы и остановились на углу Земли Горшечника. Перед ними, склоняясь к реке, располагался довольно большой участок.

Место было очень красивым. С песчаного откоса у реки травянистый склон постепенно поднимался к вершине холма, поросшей колючим кустарником. Там же росли березы – и небо просвечивало сквозь тонкую филигрань их ветвей. Опустевший дом словно присел на корточки, привалившись к зарослям в дальнем углу участка, садовая изгородь исчезла, а сам сад почти заглушила разросшаяся некошенная трава. Хлебные колосья, которые аббатство в Хомонде даже не удосужилось снять и отвезти в амбары, были по-осеннему бледны. Они созрели уже несколько недель назад, и зерна уже стали осыпаться. Среди выгоревших стеблей все еще пестрели яркими красками полевые цветы – колокольчики и маки, маргаритки и васильки; кое-где, по-весеннему нежные, пробивались зеленые ростки молодой травы. Спутанные ветки ежевики были усыпаны только-только начавшими темнеть красными ягодами.

– Эти колосья можно скосить и высушить, а после набить ими сенники, – сказал брат Ричард, внимательно разглядывая заросшую пашню. – Только вот стоит ли овчинка выделки? Может, лучше ничего не трогать, дать стеблям высохнуть, а после распахать поле? Эта земля давным-давно не была под плугом.

– Да, это будет трудная работа, – заметил брат Кадфаэль, с удовольствием наблюдая, как солнечные лучи ласкают белые стволы берез.

– Не такая трудная, как кажется. Почва здесь сама по себе хорошая, плодородная. У нас ведь есть упряжка из шести волов, а поле большое – всем работы хватит. По-моему, сначала надо пропахать широкую и глубокую борозду, – сказал брат Ричард. Он вырос в сельской местности и знал в этом толк. Ведомый безошибочным чутьем, брат Ричард сразу же нашел самый короткий путь на вершину холма – напрямик через поле, вместо того чтобы обходить вокруг, по траве. Осмотревшись, он заявил: – Мы оставим нижнюю полосу под выгон, а пахать будем на верхнем участке.

Кадфаэль был того же мнения. Поле, расположенное за Хотонем, которое они отдали при обмене, лучше было использовать под выгон; а здесь, на холме, можно было на следующий год собрать урожай овса или пшеницы, а потом перегнать на жнивье скот с нижнего выгона. Таким образом земля будет удобрена – и еще через год даст отличный урожай. Местность Кадфаэлю нравилась, и все же была здесь, в этом воздухе, разлита какая-то невыразимая печаль.

Выглядывавшие сквозь поломанную садовую изгородь травы и сорняки, борющиеся за место под солнцем, дом без дверей и окна без ставней – все говорило о том, что это место покинуто людьми. Не будь этого, ничто бы не нарушало здесь спокойствия и мира. Но нельзя было без печали смотреть на покинутое хозяйство, зная, что двое людей – бездетные супруги – жили здесь целых пятнадцать лет и вот теперь от их надежд и стремлений не осталось и следа. Нельзя было не заметить и развалившуюся, разграбленную печь для обжига и не вспомнить при этом, что тут совсем недавно трудился гончар – обжигал в печи свои изделия, а теперь этот очаг холоден и пуст. Люди, жившие здесь, когда-то были счастливы, они радовались, глядя на плоды труда рук своих, и на этой же земле они страдали, а в итоге остались лишь осколки прошлого – холодные и равнодушные.

Кадфаэль обернулся и посмотрел вдаль: перед ним простирался широкий луг, солнце поднялось уже высоко и высушило влажную траву, туман исчез, а пестрые краски полевых цветов сверкали среди увядающих колосьев. Птицы возились и щебетали в ветвях деревьев, и тягостное впечатление как-то само собой рассеялось.

– Так каково будет твое мнение? – спросил брат Ричард.

– Думаю, стоит сеять озимые. Сперва один раз пропахать глубоко, потом – по второму разу, и тогда уже засеять поле пшеницей и бобами. Хорошо бы перед вторым вспахиванием удобрить почву.

– Да, ты прав, – согласился брат Ричард и стал спускаться по склону к сияющей в солнечных лучах излучине реки, где виднелись невысокие утесы из песчаника.

Кадфаэль шел следом за своим товарищем, сухая трава шелестела у него под ногами – как будто издавала протяжные, ритмичные вздохи. Монаха снова охватила печаль. «Как только земля будет вспахана, ее надо сразу же засеять, – подумал он. – Пусть на том месте, где стоит разрушенная печь, зазеленеют молодые всходы. Надо бы также либо сломать дом, либо пустить в него арендатора, чтобы присматривал за садом. А может, лучше распахать весь участок целиком? Но все равно, само название – Земля Горшечника – будет напоминать о прошлом».

В самом начале октября монастырскую упряжку из шести волов, вместе с тяжелым плугом с большими колесами, переправили на другой берег реки, и на бывшем поле Руалда была проведена первая борозда. Начали с верхнего угла участка, вблизи ветхого дома, и прежде всего вспахали землю, над которой нависали густые заросли ежевики, служившие защитной полосой. Погонщик волов понукал животных, которые неторопливо двигались вперед, плужный резец глубоко входил в почву, лемех рассекал спутанные корни, и бортовые отвалы с силой вздымали землю и переворачивали ее, словно высокую пенящуюся волну. От земли исходил терпкий запах, а от дыхания разгоряченных волов шел пар. Брат Ричард и брат Кадфаэль пришли поглядеть на начало работ. Аббат Радульфус благословил плуг – и все предвещало хороший урожай. Первая прямая борозда была проведена во всю длину поля, она была густого черного цвета и особенно выделялась на фоне поблекшей осенней травы. Пахарь, гордый своим искусством, развернул длинную упряжку, намереваясь пахать теперь в обратном направлении. Ричард был прав: земля оказалась не слишком твердая, значит, работа будет спориться.

Кадфаэль удовлетворенно кивнул и направился к осиротевшему неухоженному дому. Подойдя, он заглянул внутрь. Через год после того, как жена Руалда отряхнула прах этого места со своих ног и, оставив позади пятнадцать лет супружества, ушла куда-то, чтобы начать жизнь сызнова, с согласия владельца манора Лонгнер все движимое имущество, нажитое Руалдом и его супругой, было изъято и передано брату Амвросию, ведавшему раздачей милостыни, чтобы он поделил его между нуждающимися. Внутри дома было совершенно пусто, в сложенном из камней очаге еще высилась горка холодного пепла, по углам валялись занесенные ветром сбившиеся в кучу сухие листья, ежи и мыши устроили в них гнезда и там, как видно, зимовали. Длинные спутанные ветки росшего под окном куста ежевики проникли внутрь через пустую

оконную раму, а над плечом Кадфаэля склонилась ветка боярышника, половина листвы с нее уже облетела, но куст был еще осыпан красными ягодами. Крапива и крестовник пустили здесь корни и проросли через щели в полу. Немного же времени понадобилось земле, чтобы уничтожить почти все, что было связано с ее прежними хозяевами!

Вдруг с другого конца поля послышался негромкий крик. Брат Кадфаэль решил, что это погонщик понукает волов, но подошедший к дому брат Ричард схватил Кадфаэля за рукав и раздраженно произнес:

– Там что-то случилось. Погляди, они остановились. Видно, что-то перевернули или же сломали! Только бы не плужный резец!

Брат Ричард вообще легко раздражался, а плуг – орудие дорогостоящее, и при вспашке целины окованный железом резец легко можно было повредить. Кадфаэль обернулся, чтобы взглянуть на упряжку в дальнем конце поля, где рос частый кустарник. Пахарь начал прямо от этих кустов, чтоб пропахать как можно большую площадь. Воловья упряжка стояла на месте, вспахано было всего несколько ярдов новой полосы, а погонщик и пахарь, низко наклонившись, что-то рассматривали на вспаханной земле. Вдруг пахарь выпрямился и стремглав бросился бежать к дому, размахивая руками, спотыкаясь в густой траве.

– Брат Ричард! Брат Кадфаэль! Идите скорее и посмотрите сами! Там что-то лежит!

Ричард, осердясь, уже собирался сделать бедняге выговор за неподобающее поведение, но Кадфаэль, взглянув на лицо пахаря, почувствовал неладное и сразу же быстрым шагом направился к воловьяй упряжке. Ему показалось, что нечто, обнаруженное сейчас на борозде, является чем-то очень неприятным и непредвиденным, чем-то из ряда вон выходящим. Пахарь шел рядом, возбужденно лепеча бессвязные слова:

– Из-под резца показалось что-то... в земле лежит остальное... не сказать, что именно...

Погонщик между тем поднялся на ноги и стоял, ссутулившись и бессильно опустив руки, пока к нему не подошли монах и пахарь.

– Брат, – обратился он к Кадфаэлю, – если бы мы знали, ни за что не стали бы за это дело браться – неизвестно, на что еще тут можно наткнуться. – С этими словами он увел волов немного вперед, чтобы дать доступ к месту находки, наткнувшись на которую они так неожиданно прервали свою работу.

Вблизи от покатога, заросшего раkitником склона на краю поля плуг, разворачиваясь, врезался в землю на бо́льшую, чем обычно, глубину и что-то потянул за собою. И это что-то не было стеблем или корнем. Брат Кадфаэль опустился на колени, чтобы лучше рассмотреть, что же это такое. Подошедший в этот момент брат Ричард, дрожа от нетерпения, остановился немного поодаль и боязливо наблюдал, как Кадфаэль протянул руку, провел ею по борозде, ощупывая длинные нити, в которых запутался резец плуга, и в конце концов извлек находку на свет Божий.

Это были не корни, а полусгнившие полоски ткани – создание рук человеческих. Когда-то ткань эта была, вероятно, черной, а теперь приобрела цвет земли. Но при этом она все еще сохраняла свои свойства – ведь резец сначала разодрал ее и потянул за собой, превращая в длинные лоскутья. И еще кое-что тянулось следом, возможно, это находилось внутри ткани: на борозде лежала длинная густая прядь волнистых черных волос.

Глава вторая

Вернувшись в монастырь, брат Кадфаэль испросил немедленной аудиенции у аббата Радульфуса.

– Отец мой, – начал он, – непредвиденный случай заставил меня воротиться так быстро. Я бы не потревожил вас, будь это менее важно, но на Земле Горшечника обнаружено нечто, что должно озаботить и наш монастырь, и мирскую власть. Пока что я оставил там все, как есть, и полагаю, что следует немедленно поставить в известность шерифа Хью Берингара. Я прошу на это вашего благословения. Дело в том, что плугом были извлечены на свет Божий лоскутья ткани и прядь волос, по всей видимости женских. Волосы длинные и красивые, полагаю, их ни разу не касались ножницы. И кажется, будто что-то удерживает их под землей.

– Ты считаешь, – произнес после многозначительного молчания аббат Радульфус, – что они все еще находятся на человеческой голове?

Голос настоятеля звучал ровно и твердо. За свою более чем пятидесятилетнюю жизнь он всякого насмотрелся. И если это был первый случай подобного рода, то вовсе не самый серьезный из тех, что преподносит жизнь. И за монастырскими стенами нельзя не зависеть от мира, где все возможно.

– Человек погребен в неосвященном месте, – продолжал аббат, отреагировав на выразительный кивок Кадфаэля. – Это противозаконно.

– Это-то меня и пугает, – ответил монах. – Но я не хочу сейчас что-либо утверждать. Я ожидаю вашего решения, а также присутствия шерифа.

– Что тобой предпринято? На поле кто-нибудь сторожит вашу печальную находку?

– Да, там находится брат Ричард. Пахать землю продолжают, но со всеми предосторожностями, в стороне от того места. Откладывать эту работу не стоит, – рассудительно произнес Кадфаэль. – Кроме того, не нужно привлекать излишнего внимания к тому, что нами обнаружено. Пахота объясняет наше присутствие на поле, и никому в голову не придет интересоваться, что мы там делаем. А если действительно окажется, что найдено погребение, то ведь могила эта могла появиться задолго до наших дней.

– Погребение... – повторил аббат, пристально глядя на Кадфаэля. – Хорошо бы. Хотя, я думаю, ты сам не веришь, что это так. Насколько мне известно из старых документов и нашего Устава, поблизости никогда не было ни церкви, ни погоста. – Я буду молить Господа, чтобы подобные открытия не повторялись – и одного с нас довольно. Ну что ж, я своей властью разрешаю тебе делать то, что сочтешь нужным. Прими мое благословение.

Кадфаэль без промедления начал действовать. Прежде всего он отправился в замок и предупредил Берингара – нужно было, чтобы мирская власть в его лице засвидетельствовала их находку. Хью слишком хорошо знал своего друга и сразу понял, что дело серьезное. Он не задавал лишних вопросов, не тратил времени на возражения; сразу же оседлав коня, взял с собой одного сержанта из гарнизонной службы – на случай, если понадобится послать его с каким-то срочным поручением, – и вместе с Кадфаэлем отправился к броду через Северн.

Воловья упряжка трудилась ниже по склону, когда они поднялись наверх, к тому месту, на краю зарослей раkitника, где их ожидал брат Ричард. Длинные извилистые борозды резко выделялись своим густым черным цветом на фоне поблекших, засыхающих колосьев и луговых трав. Только один этот угол поля так и остался не вспаханным – плуг и упряжку сразу же после опасной находки отвели подальше от этого места. Врез плужного резца здесь резко обрывался. Шериф нагнулся, чтобы посмотреть на найденные волокна. Но стоило Хью дотронуться до них, как волокна тут же рассыпались в прах, а длинная прядь волос, свернувшись кольцом, прилипла к его руке. Когда он попробовал вытянуть эту прядь наверх, она выскользнула из

его пальцев – корни волос еще находились в земле. Хью отошел назад и стал внимательно разглядывать глубокий след от резца.

– Что бы там ни лежало, нам следует извлечь это из земли, – сказал он. – Жаль, что пахарь ваш переусердствовал. Он бы избавил нас от неприятностей, стоило ему завернуть упряжку на несколько ярдов дальше от этого места.

Но дело было уже сделано, и скрыть находку или забыть о ней было невозможно. Они прихватили с собой лопату и мотыгу, чтобы аккуратно отделить корни, и серп, чтобы срезать нависавшие над этим местом и частично скрывавшие его ветки ракитника. После четверти часа раскопок стало ясно, что находившееся внизу углубление – это могила, недаром клочья и нити сгнившей ткани попадались именно там, вблизи самого края поля. Кадфаэль отбросил лопату, встал на колени и обеими руками зачерпнул землю. Могила была не особенно глубокой, скорее всего, обернутое тканью тело было тайно опущено в землю на самом склоне и засыпано землей, а кусты намеренно были оставлены, чтобы скрыть это место. Впрочем, могила находилась на достаточной глубине, чтобы ничто не могло ее потревожить. Так оно и вышло бы, если б не пахали так близко к краю поля и если б плужный резец не проник так глубоко в почву.

Брат Кадфаэль осторожно ощупал лоскутья черной ткани и почувствовал под ними кости. Глубокий взрез плужного резца пришелся как раз на верхнюю часть туловища, поэтому плуг вытянул из почвы прядь волос и прогнившие клочья ткани. Кадфаэль отбросил землю с того места, где, по всей вероятности, была голова. Тело целиком было завернуто в сгнившую шерстяную ткань – очевидно, саван. И уже не оставалось никакого сомнения, что это труп тайно похороненного человека. Это было «противозаконно», как сказал аббат Радульфус. А если человек погребен тайно, не по закону, значит, и умер он не своей смертью.

Они принялись по очереди выгребать руками могильную землю, и вскоре начали вырисовываться контуры человеческого тела. Труп, завернутый в саван, осторожно очистили от земли, вытащили из могилы и положили на траву. Легкое, хрупкое человеческое тело было извлечено на свет Божий, и они прикасались к нему с большой осторожностью, буквально затаив дыхание, так как при малейшем трении сгнившие шерстяные нити крошились и расплзались. Брат Кадфаэль очень осторожно расправил складки савана и отвернул ткань – и тут глазам присутствующих предстали полуистлевшие человеческие останки.

Конечно, это была женщина – на ней было длинное черное платье без пояса, без украшений, и такими странными выглядели аккуратно уложенные складки на ее платье, сохранившиеся благодаря савану, в который покойницу завернули перед погребением. Из длинных рукавов, также сохранивших форму, высывались кости – кисти рук. Следы высохшей, сморщенной плоти оставались еще на ее запястьях и голых икрах. И только одно напоминало о том, что эти останки были когда-то живым человеком, – высокая корона из черных, заплетенных в косу волос, от которой плуг отделил большую прядь с правого виска покойницы. Станным было то, что она лежала, вытянувшись во всю длину могилы, как бы готовая к погребению. Руки ее покоились на груди и были скрещены. И вот что еще было странно: в руках она сжимала грубый крест, сделанный из двух ракитовых веток, связанных полоской льняной ткани.

Кадфаэль медленно снял полусгнившую ткань с головы покойницы. И они содрогнулись, увидев череп – эту эмблему смерти – с короной волос на затылке. Все четверо немного попятись, с изумлением глядя на покойницу, потому что перед лицом такой таинственной и суровой смерти жалость и ужас казались равно неуместными. Никто из них не испытывал ни малейшего желания задавать вопросы или отпускать какие-либо замечания по поводу такого странного погребения. Время для этого еще придет, но не теперь и не здесь. Прежде всего надо завершить то, что должно быть завершено.

– Итак, – сдержанно спросил Хью после продолжительного молчания, – что теперь? Кто должен заниматься этим делом, я или вы, братья?

– Мы находимся на земле аббатства, – со вздохом ответил брат Ричард. Его лицо как-то сразу посерело, а в голосе звучало сомнение. – Но то, что нами обнаружено, вряд ли согласуется с законом, а закон – это ваша область. Я не знаю, право, что решит в таком необычном случае наш настоятель.

– Он захочет, чтобы труп был возвращен в аббатство, – с уверенностью сказал Кадфаэль. – Кто бы ни была эта женщина, но похоронили ее без церковного благословения, и душа ее не находит успокоения, поэтому погребение покойной следует провести по христианскому обряду. Наш аббат захочет, чтобы мы взяли ее из монастырской земли и монастырской же земле предали. И тогда, – добавил Кадфаэль с уверенностью, – она наконец получит то, что ей положено, и душа ее успокоится, если это будет угодно Господу.

– Что ж, так и попробуем сделать, – сказал Хью, бросая внимательный взгляд на берег, поросший ракитником, и на разрытую яму. – Я думаю, не найдется ли здесь чего-нибудь еще, что положили в могилу вместе с покойницей. Давайте попробуем копнуть поглубже. – Он нагнулся, чтобы натянуть на покойницу распадающийся на части саван. Но стоило Хью прийтись к нему, как саван сразу же начал рассыпаться, и в воздух взлетали облачка пыли. – Если мы собираемся в целости донести до монастыря останки покойницы, нам понадобятся носилки. Брат Ричард, возьми мою лошадь и скачи в обитель, расскажи аббату, что мы нашли труп женщины, пусть он пришлет носилки и подходящую к такому случаю одежду, чтобы мы могли доставить ее в монастырь. Больше пока что ничего не требуется. Нам ведь еще ничего не известно. Так что ни с кем не делись этой новостью, пока мы не привезем покойницу.

– Я все сделаю как надо! – охотно согласился брат Ричард.

По своему характеру субприор предпочитал упорядоченную жизнь, когда все идет как положено и не требует чрезмерных усилий. Он не был готов к подобным находкам, и ему не терпелось побыстрее покинуть это гнетущее место.

Ричард подбежал к серому поджарому коню шерифа, мирно щипавшему все еще зеленую под деревьями травку, вдел в стремя крепкую ногу и вскочил в седло. Когда-то он умел хорошо скакать верхом, но давно уже не практиковался в этом искусстве. Он был младшим сыном владельца манора, рос на земле и в шестнадцать лет предпочел военной службе жизнь в монастыре. Конь Хью, обычно не терпевший иного седока, кроме своего хозяина, снизошел до брата Ричарда и, пофыркивая, поскакал через заливной луг.

– Как бы он не сбросил Ричарда на переправе, – заметил Хью, наблюдая, как конь со всадником приближаются к реке, – а он может, если на него найдет. Ну ладно, пошли посмотрим, не осталось ли там еще чего.

Под шуршащими ветками ракитника сержант продолжал раскапывать яму. Кадфаэль, подоткнув рясу, спустился в могилу и стал осторожно руками выгребать землю, расширяя впадину, где лежал труп.

– Пусто, – сказал он наконец, стоя на коленях на дне могилы, где земля была уже твердой, сероватого оттенка, с проступающим слоем глины. – Видишь, Хью, здесь уже нетронутая почва. У Руалда были, очевидно, специальные ямы, откуда он брал глину. А здесь явно непотревоженный слой. Нам незачем рыть глубже, мы ничего там не найдем. Можно, конечно, прощупать с боков, но я сомневаюсь, что нам удастся что-нибудь обнаружить.

– Да, мы достаточно тщательно обследовали могилу, – согласился Хью, обтирая запачканные землей руки о густой, волокнистый дерн. – И в то же время мы ничего не узнали – ни ее возраста, ни имени.

– Ни из какой она семьи, ни где жила, – мрачно продолжил Кадфаэль, – ни причины ее смерти. Это место нам больше ничего не скажет. Пока мы знаем лишь, как она была погребена. А остальное нам придется выяснять, и для этого нужно время и надежные свидетели.

Прождав более часа, они наконец увидели брата Винфрида и брата Уриена, которые несли носилки и саван. Со всеми предосторожностями они подняли тело, завернули его в

новый саван и укрыли таким образом от людских взоров. Хью отправил сержанта обратно в замок, и в полном молчании, пешком, не привлекая к себе излишнего внимания, траурная процессия, состоящая из двух человек, направилась в аббатство.

– Отец мой, брат Ричард уже доложил вам, что мы нашли останки женщины, – сказал Кадфаэль, обращаясь к аббату Радульфусу, который ждал их возвращения в своей приемной. – Мы оставили тело в часовне, там ведь обычно отпевают усопших. Но останки этой женщины в таком плачевном состоянии, что нет никакой возможности опознать ее, если даже она умерла недавно, что кажется мне маловероятным. На ней было платье, когда-то черное, а теперь совсем истлевшее, без украшений и без пояса – такое обычно носят деревенские женщины. Вдобавок она не обута. Словом, нет ничего, что могло бы помочь определить ее имя.

– А как она выглядит?.. – спросил аббат.

– От нее остался лишь скелет. Никто с уверенностью не скажет, что это чья-то жена или сестра – словом, женщина, которую он знал когда-то. У нее даже лица не сохранилось, ничего, кроме прически из черных волос. Но у многих женщин – такие же волосы. Росту она среднего, возраст можно определить лишь приблизительно. Судя по волосам, это была не старуха и не юная девушка, а женщина в расцвете лет, между двадцатью пятью и сорока годами.

– Так, значит, нет ничего, что могло бы помочь нам узнать, кто она такая? Ничего необычного?.. – Аббат Радульфус вопросительно посмотрел на Хью Берингара.

– Только то, каким образом ее похоронили, – ответил Хью. – Без положенных обрядов, противозаконно, просто положили в неосвященную землю. Но в том, как это сделано, есть кое-что странное. Пусть брат Кадфаэль расскажет подробности. Если же вы захотите сами осмотреть покойницу, то мы оставили ее в часовне в том самом виде, в каком нашли.

– Я начинаю думать, – сказал аббат решительным тоном, – что мне действительно надлежит самому взглянуть на эту мертвую женщину. Но сначала я хочу услышать, что же было таким странным в обстоятельствах ее тайного погребения. Говори же, брат Кадфаэль!

– Да, отец мой... Тело было положено прямо, во всю длину могилы, как и подобает, волосы заплетены в длинную косу и уложены в прическу в виде короны, сложенные на груди руки сжимали крест, сделанный из веток и связанный посередине куском ткани. Словом, тот, кто клал ее в землю, делал это с явным почтением к усопшей.

– Самый дурной человек, совершая подобный поступок, способен почувствовать благоговейный трепет, – медленно произнес аббат Радульфус. – Но какие бы чувства ни испытывал к покойнице тот, кто вырыл для нее могилу, он сделал это, очевидно, во мраке ночи и тайком. А это подразумевает, что предшествовало тайному захоронению деяние еще более дурное и также совершенное во мраке. Если бы она умерла естественной смертью, то отчего же отсутствовал священник и не были соблюдены необходимые обряды? Хоть ты и не делаешь таких выводов, брат Кадфаэль, но из твоих слов вытекает, что эта несчастная не только погребена была преступным образом, но и умерла в результате преступления. Я утверждаю, что она была убита. По какой иной причине ее тайком положили в землю, не свершив положенных обрядов? И даже крест, вложенный в ее руки, сделан из веток и, таким образом, не может указать на убийцу или помочь опознать убитую. Из твоего рассказа, брат, я делаю вывод, что с ее тела нарочно были удалены все приметы, которые могут помочь опознать ее. Даже теперь, когда по воле Господа обнаружены ее останки, чтобы похоронить ее по-христиански, мы так и не узнали имени этой женщины, чтобы написать его на ее могиле.

– Пожалуй, это верно, – угрюмо сказал Хью. – Но факт остается фактом – брат Кадфаэль, осматривая останки, не нашел никаких следов ранения или удара. Нет ничего, что указывало бы на причину смерти. Конечно, после долгого пребывания тела в земле нелегко обнаружить след от ножа или кинжала, но нет даже намека на это. Все шейные позвонки и кости черепа целы. Кадфаэль не видит оснований считать, что ее задушили. Похоже, что она умерла в своей

постели, и даже – во сне. Но в этом случае зачем было хоронить ее тайком и притом так, чтобы труп не смогли опознать?..

– Право же, – заметил аббат Радульфус, – никто не стал бы брать на свою душу такой грех, как противозаконное погребение, не имея на то весьма веских причин.

Произнеся эти слова, аббат погрузился в размышления. Да, тут было над чем подумать. Несомненно, они столкнулись с какой-то тайной. Были одни вопросы – и не было ответов. Конечно, большого труда не составляет должным образом позаботиться об умершей и ее бессмертной душе. Даже не зная имени этой женщины, можно вознести молитвы за упокой ее души и отслужить мессу. И она будет наконец похоронена по-христиански, в освященной земле, в чем ей раньше было отказано. Но по законам этого мира покойница должна быть еще и опознана. Аббат поднял глаза на Берингара: одна власть оценивала другую.

– Так вы полагаете, шериф, что эта женщина была убита?

– Принимая во внимание то малое, что нам известно, и то многое, что нам неизвестно, – осторожно начал Хью, – я не берусь утверждать, что тут не было убийства. Мертвую женщину, не получившую отпущения грехов, тайно положили в могилу. Пока у меня не будет доказательств обратного, я вынужден считать, что здесь совершено убийство.

– Значит, – сказал аббат Радульфус после короткого молчания, – вы не верите, что это старое захоронение? Да, подобное бесчестие нельзя отнести к стародавним временам, и у нас теперь одна забота – похоронить покойницу подобающим образом и тем самым устранить несправедливость, совершенную по отношению к ее душе. Случается, что Господь восстанавливает справедливость через столетия, мы же хотим помочь Господу в меру наших скромных сил, но порой бессильны сделать это. Как давно, по-вашему, эта женщина была захоронена?

– Я отважусь высказать мое смиренное мнение, – произнес Кадфаэль. – Это случилось не так давно, может быть, год или два назад, самое большее – лет пять. Покойная – не жертва давних времен. Она жила на этом свете всего несколько лет назад.

– Я не могу забыть ее, – мрачно заметил Хью.

Аббат оперся своими длинными, жилистыми руками о стол и поднялся.

– Тем больше причин мне самому взглянуть на нее, – сказал он. – Я должен это сделать, прежде чем ее вновь предадут земле, на этот раз по-христиански. Кто знает, вдруг мы все же обнаружим что-то, что поможет опознать ее тому, кто знал ее раньше.

Пересекая следом за аббатом широкий монастырский двор, Кадфаэль размышлял о том, почему все они избегали произнести вслух то имя, которое в первую очередь должны были назвать. Кадфаэль гадал, кто же первый произнесет всем им хорошо известное имя и почему он сам не делает этого. Долше молчать было уже нельзя. Но, по мнению Кадфаэля, аббату первому надлежало назвать имя этого человека, ведь он, конечно, уже подумал о нем – никакая смерть, давняя или недавняя, не могла привести их настоятеля в замешательство.

В маленькой холодной часовне на каменном ложе лежали останки покойницы, прикрытые полотняным покровом, в изголовье и в изножии горели свечи. Пришедшие очень осторожно и тщательно обследовали все кости покойной, особенно позвоночник и череп, стараясь определить, что же послужило причиной смерти, но ничего не достигли. Они не нашли никаких признаков повреждения костей. Тяжелый запах витал в воздухе маленькой часовни, но холод каменных сводов несколько ослаблял его. Они отошли немного в сторону. Покой часовни и уместность нахождения в ней человеческих останков настраивали на духовные размышления, которые помогали победить ужас от этого, пусть временного, возвращения в мир живых почти полностью истлевшего трупа.

Аббат Радульфус вдруг вновь приблизился к покойной. Несколько минут он стоял, пристально разглядывая останки – черные, роскошные волосы, хрупкие кости обнаженных ног, до которых уже добрались и источили их крохотные, невидимые глазу жучки. На крепком белом

черепе взгляд аббата задержался дольше всего, но этот череп, по видимости, ничем не отличался от многих других.

– Да, как странно! – произнес аббат, обращаясь как будто к самому себе. – Кто-нибудь, должно быть, относился к ней с любовью, считался с ее правами, даже если и не в силах был исполнить все ее желания. Быть может, кто-то один убил ее, а другой положил в землю? Уж не священник ли?.. Но зачем в таком случае было ему скрывать ее смерть, если он в ней не повинен? Трудно представить, что один и тот же человек и убил ее, и с крестом положил в землю.

– Всякое случается на белом свете, – заметил Кадфаэль.

– А может, это сделал ее любовник? Бывает роковое стечение обстоятельств, никем не предвиденное, когда, совершив злодеяние, человек в нем тут же раскаивается. Но тогда зачем он похоронил ее тайно?

– И здесь, очевидно, нет следов насилия, – вставил Кадфаэль.

– Но отчего она умерла? Если от болезни – ее должны были похоронить, как положено, на кладбище, и отслужить по ней панихиду. В чем же причина? Может, ее отравили?

– Допускаю, – кивнул Кадфаэль. – Или ранили ножом прямо в сердце, раз нет следов удара на ее скелете и все кости целы.

Взглянув еще раз на покойную, аббат Радульфус накрыл бранные останки покровом и аккуратно расправил на нем складки.

– То, что мы здесь увидели, – сказал он, – не дает возможности судить о причине смерти и об имени покойницы. И все же я считаю, что нужно попытаться разобраться в этом. Если эта женщина жила здесь в течение последних пяти лет, значит, кто-то хорошо ее знал и может сказать, когда в последний раз видел ее и чем объясняет ее отсутствие. Пойдемте и тщательно обдумаем все возможные версии.

Брату Кадфаэлю вдруг стало ясно, что по крайней мере одно, наиболее вероятное предположение уже пришло аббату Радульфусу на ум и глубоко его встревожило. Когда они останутся вдвоем в тишине приемной аббата, за закрытой дверью, то самое имя будет наконец произнесено.

– Прежде всего следует ответить на два вопроса, – сказал Хью, начиная обсуждение. – Кто она такая, эта женщина? Если на это нельзя ответить с уверенностью, то поставим вопрос так: кем она могла быть? А второй вопрос такой: за последние годы исчезала ли бесследно в этих местах хоть одна женщина?

– Об одной по крайней мере нам доподлинно известно, – со вздохом произнес аббат. – И место обнаружения трупа само за себя говорит. Но никто никогда не поинтересовался, доволен ли был ее уход? Мне трудно принять решение, потому что сама женщина такой смерти явно не хотела. Но брата Руалда невозможно было отговорить от следования предначертанному ему пути – так солнце утром нельзя удержать от восхода. Я поверил ему, его доводы меня убедили. К моему огорчению, его жена с этим не примирилась.

Итак, имя мужчины было названо. Женское же имя никто из них не мог вспомнить. Живя за монастырскими стенами, многие жену Руалда и в глаза-то не видели, да и вряд ли о ней упоминалось до появления ее мужа у ворот обители.

– Отец мой, я должен просить вашего позволения, – сказал Хью, – осмотреть останки вместе с братом Руалдом. Если это действительно его жена, неизвестно, сможет ли он ее опознать, но попытаться стоит. Ведь Земля Горшечника арендовалась им, а после того, как он ушел в обитель, она одна жила на этом участке. – Хью прервался, внимательно посмотрел на печальное лицо аббата, потом продолжал: – Надо выяснить, бывал ли Руалд на своем старом участке после того, как поселился в обители, – до того момента, когда, как говорят, она уехала куда-то с другим мужчиной. Ведь оставались же у него какие-то дела, ему надо было заключить

определенное соглашение между ними и засвидетельствовать его. Наверняка он встречался с нею после того, как они расстались.

– Да, – не раздумывая, ответил аббат Радульфус. – Дважды в первые дни своего послушничества он посетил ее, но не один – его сопровождал брат Павел, который, будучи наставником послушников, должен был заботиться о душевном спокойствии своего подопечного. Впрочем, того же желал он и жене Руалда, поэтому старался убедить ее отпустить мужа с миром и благословить его призвание служить Господу. Но тщетно! Однако сейчас важно лишь то, что пришел он с братом Павлом и с ним же воротился назад. Мне неизвестно, виделся ли он с ней без свидетелей.

– А не посылали ли брата Руалда на полевые работы или с каким-нибудь поручением в те места, по соседству с его бывшим домом?

– Прошло уже больше года с тех пор, – с сомнением покачал головой аббат, – и даже брат Павел вряд ли ответит вам, на какие работы и куда за это время посылали брата Руалда. Но за все время своего послушничества он никогда не оставался один, если его посылали на работы за пределами монастыря. Всегда рядом с ним был кто-то из братьев, а то двое или трое. Но, в конце концов, – добавил аббат, пристально взглянув в глаза Берингару, – вы можете спросить об этом самого брата Руалда.

– С вашего позволения, отец мой, я так и сделаю.

– Прямо сейчас, не откладывая?

– Конечно, если вы позволите. О нашей находке, кроме нас и брата Ричарда, пока никто не знает. Будет лучше, если для брата Руалда это станет неожиданностью и он не сможет заранее обдумать свое поведение, – многозначительно произнес Хью. – Ведь если этот брат виновен, он захочет отвести от себя подозрения.

– Так мы и сделаем, – кивнул аббат Радульфус. – Брат Кадфаэль, отыщи брата Руалда и, если шериф согласен, приведи его прямо в часовню. Пусть он или выдаст себя, или докажет свою невиновность. Теперь я вспоминаю, – продолжал аббат, – его слова, когда на собрании капитула мы обсуждали этот обмен участками: земля всегда безгрешна, сказал он, ее могут запятнать лишь наши поступки.

Брат Руалд являл собой совершенный пример послушания, а именно эта статья Устава всегда доставляла Кадфаэлю больше всего неприятностей. Руалд считал своим долгом немедленно исполнять любое распоряжение, отдаваемое кем-либо из старших братьев, словно это был божественный приказ, подчиняться которому следовало без «жалоб или колебаний» и, разумеется, не спрашивать: «Зачем?» – что было как раз первым побуждением Кадфаэля, особенно в начальные годы его монашества. Брат Руалд и сейчас, как обычно, последовал за своим старшим братом-монахом, ни о чем его не спрашивая и не зная, что его ожидает. Кадфаэль только сказал ему, что аббат и шериф желают его видеть.

Переступив порог часовни и внезапно увидев каменное ложе с покровом и зажженными свечами, возле которого о чем-то тихо беседовали шериф и аббат Радульфус, Руалд, не колеблясь, подошел ближе и остановился, покорно и невозмутимо ожидая дальнейших приказаний.

– Вы посылали за мной, отец мой?

– Брат Руалд, ты жил в этих местах, – решительно сказал аббат, – и хорошо знал всех своих соседей. Ты можешь помочь нам в важном деле. Здесь, на этом ложе, лежит мертвое тело, почти истлевшее и найденное случайно, и мы не можем узнать, кто это. Попытайся опознать труп, подойди ближе.

Руалд повиновался. Всем своим видом он выражал готовность сделать все, что потребуются. Аббат Радульфус резким движением снял покров, и под ним лежали останки – уже не тело даже, а скелет, а вместо лица – череп с кольцами черных волос. Конечно, при столь неожиданном зрелище спокойствие изменило брату Руалду, но волны сострадания, тревоги и грусти,

набежавшие на его чело, скорее, напоминали зыбь, на краткий миг нарушившую покой тихого пруда. Он не отвел глаз и продолжал пристально вглядываться в останки покойницы, словно это могло помочь восстановить в памяти облик той, от которой сейчас остались только кости.

Когда же наконец Руалд перевел взгляд на аббата, во взгляде этом читались лишь удивление и смиренная печаль.

– Отец мой, – сказал он, – я не вижу, каким образом можно установить имя покойницы.

– Погляди хорошенько! – велел аббат. – Мы знаем, что это – женщина. Можно определить, какая была у нее фигура, ее рост и цвет волос. Ведь у нее должны быть близкие, возможно муж. Есть же какие-нибудь особенности, по которым можно узнать человека, – и они не зависят от черт лица. Никого она тебе не напоминает?

Наступило долгое молчание. Вновь Руалд послушно осмотрел останки – с головы до ног, остановил взгляд на сложенных на груди руках покойной, все еще сжимавших самодельный крест. Он обошел ложе со всех сторон, потом вздохнул и сказал, явно больше сожалея о том, что должен разочаровать аббата, нежели сокрушаясь о давно умершей женщине:

– Нет, отец мой, простите. Я не узнаю ее. А это так важно? Ведь Господу нашему известны все имена.

– Справедливо, – согласился аббат Радульфус. – Господь знает все места погребения покойных, даже если их хоронят тайно. Должен сообщить тебе, брат Руалд, где была найдена эта женщина. Тебе ведь известно, что этим утром начали пахать Землю Горшечника? При вспашке первой же борозды, когда на краю поля плуг поворачивали, резец ушел на большую глубину и потянул за собой кусок шерстяной ткани и прядь черных волос. На том самом поле, которое ты раньше арендовал, по приказу господина шерифа откопали и привезли в нашу обитель останки покойницы. Так что прежде чем я наброшу на нее покров, погляди-ка еще раз и скажи, неужели ничто не подсказывает тебе ее имя?

Кадфаэль не отрываясь смотрел на острый профиль брата Руалда и заметил, что на какое-то мгновение спокойствие изменило ему. Он вдруг задрожал – то ли от ужаса, то ли от чувства своей вины. Но если он был виновен, то в чем: в убийстве человека или в гибели любви? Руалд склонился над покойницей, не отводя от нее глаз, и на его лбу и возле губ выступили капли пота, особенно заметные при свете горящих свечей. Молчание длилось долго. Наконец брат Руалд взглянул на аббата. Лицо его было бледным и мрачным.

– Отец мой, – сказал он, – да простит мне Господь грех, который я не осознавал до сих пор. Я раскаиваюсь в том, что лишь теперь нашел в себе этот изъян. Ничто, ничто во мне не находит отклика! Я ничего не чувствую, когда гляжу на нее. Отче, даже если передо мной действительно Дженерис, я не могу ее узнать.

Глава третья

Минут через двадцать, в приемной аббата, Руалд вновь обрел спокойствие – идущее от смирения, от сознания своей слабости и первородной греховности всякого человека. Однако он не переставал обвинять себя:

– Заботясь лишь о собственных потребностях, я был предубежден против нее. Неужели я оказался способен порвать узы любви, длившейся пятнадцать лет, и через год уже ничего не чувствовать? Мне стыдно, что, глядя на останки этой женщины, я вынужден сказать: не знаю. Может быть, это Дженерис, а может быть – нет. Но в любом случае почему и как это случилось – мне неизвестно. Знаю только, что в моем сердце ничто не шевельнулось – да и могут ли кости сказать что-нибудь определенное?

– Но кое-что они все-таки говорят, – строго промолвил аббат. – Ее похоронили в неосвященной земле, без погребальных обрядов, тайно. Из этого легко заключить, что умерла она, не вкусив святого причастия и при загадочных обстоятельствах, возможно, в присутствии какого-то человека. Наша обитель должна похоронить ее по-христиански, чтобы душа ее наконец упокоилась с миром, а мирские власти должны провести дознание причины ее смерти. Ты дал свои показания, и я верю, что ты не знаешь, кто она такая. Но поскольку ее нашли на земле, где вы с ней жили, неподалеку от дома, который жена твоя почему-то покинула и больше туда не возвращалась, то естественно, что у господина шерифа будут к тебе вопросы, как и ко многим другим.

– Конечно, отец мой, – кротко сказал Руалд, – я отвечу на все обращенные ко мне вопросы охотно и откровенно.

Так он и поступил, отвечая шерифу с подчеркнутой готовностью, словно бичуя себя за грех невнимания к чувствам жены: он только сейчас осознал, что в то время, как он радовался исполнению своего горячего стремления, она вкушала яд горечи и утраты.

– Это чистая правда, – говорил брат Руалд, – я был уверен, что встал на стезю, по которой призван идти, и делал все, чтобы достичь своей цели. Но вот что дурно: я пребывал в радости, а она в это время была несчастна. А теперь наступил день, когда я не могу четко вспомнить ни ее лица, ни всего ее облика. В глубине души меня и раньше мучило, что я был несправедлив к ней, но я так долго не обращал на это внимания. И вот теперь это ощущение своего греха полностью овладело мною. Где бы Дженерис сейчас ни находилась, она отомщена. В первые месяцы, когда я пришел в монастырь, – в голосе Руалда слышалось раскаяние, – я даже не молился о том, чтобы на нее сошли мир и спокойствие. Я был так счастлив здесь, что почти забыл о ее существовании.

– Однако известно, что ты дважды посетил ее, – сказал Хью, – после того, как стал послушником.

– Да, это так. Мы ходили к Дженерис вместе с братом Павлом – он может подтвердить. Мы отнесли ей то, что наш настоятель позволил передать ей в качестве средств к существованию. Все было сделано по закону – уже при первом посещении.

– Когда именно?

– В прошлом году, двадцать восьмого мая. А второй раз мы пошли туда в первых числах июня – это было после того, как я продал свой гончарный круг, инструменты и еще кое-что, – и вырученные деньги я передал ей с правом ими распоряжаться по собственному усмотрению. Я надеялся, что она, может быть, уже смирилась, простит меня и отпустит с миром, но этого не случилось. К этому времени она, кажется, уже возненавидела меня. Когда мы пришли во второй раз, она бросила мне в лицо злые, жестокие слова, не пожелала притронуться к тому, что я ей принес, и крикнула, что я могу убираться вон, что у нее есть любовник, достойный ее любви. Словом, любовь, которую когда-то она ко мне питала, превратилась в ярость.

– Она сама тебе сказала, что у нее есть любовник? – спросил Хью, пристально глядя на брата Руалда. – Тут прошел слух – после того как она скрылась, – что она ушла с мужчиной. Так то были ее собственные слова?

– Да, она так сказала. Она очень злилась, что ей не удалось отговорить меня от ухода в монастырь. В то же время она не могла развестись со мной и стать свободной, так что я все еще считался ее мужем и был камнем на шее, который она хотела и не могла сбросить. Но это не мешает ей, так она сказала, силой добыть себе свободу, ведь у нее есть любовник, он в тысячу раз лучше меня, и она уйдет с ним, хоть на край света, стоит ему хоть пальцем поманить. Брат Павел присутствовал при этом разговоре, – добавил Руалд.

– И ты тогда в последний раз ее видел?

– Да, в последний раз. В конце июня, как я узнал, она уехала из этих мест.

– А с той поры ты когда-нибудь приходил на свое поле?

– Нет. Я обрабатывал монастырскую землю в основном возле Гайи, а это поле только теперь стало принадлежать нашей обители. Год назад, в начале октября, владелец Лонгнера Юдо Блаунт, у которого я арендовал этот участок, подарил Землю Горшечника аббатству в Хомонде. Прежде я и не собирался снова идти туда и не думал, что когда-нибудь услышу об этом месте.

– Или о Джеренис! – вставил до сих пор молчавший брат Кадфаэль. Он увидел, как после его замечания худое лицо Руалда исказила гримаса боли и стыда. Но даже этот укол он снес покорно, и через секунду выражение его лица вновь стало спокойным и умиротворенным.

– Я еще хочу спросить, – начал Кадфаэль, – с позволения отца аббата. Случалось ли тебе за все прожитые вместе с женою годы сомневаться в ее верности или в любви к тебе?

– Нет! – нисколько не колеблясь, отвечал Руалд. – Она всегда была верна и любила меня. Пожалуй, даже слишком сильно любила. Я вряд ли заслужил такое обожание. Я ведь привез ее из Уэльса – оторвал от родины... – Он задумался, стараясь как можно точнее выразить словами то, что он думал и чувствовал, и едва ли замечая тех, кто его слушал. – Так вот, я привез жену в чужой для нее край, где никто не говорил на ее родном языке, где все было ей непривычно. Только теперь я осознал, насколько больше она дала мне, чем я ей. И я не только не смог ее за это отблагодарить, но и сделал несчастной...

Был ранний вечер, скоро должны были зазвонить к вечерне, когда Хью попросил привести свою лошадь, которую брат Ричард заблаговременно поставил в конюшню, и выехал из ворот в сторону Форгейта. С минуту он раздумывал, куда ему повернуть: налево, к своему дому в городе, или же направо – продолжать расследование. Легкий голубоватый туман уже поднимался над рекой, небо было затянуто плотными облаками, но еще оставался час или около того, чтобы засветло добраться до Лонгнера, поговорить с молодым Юдо Блаунтом и вернуться домой. Сомнительно, конечно, чтобы новый владелец манора интересовался Землей Горшечника, ведь еще его отец передал ее аббатству в Хомонде, но дом Блаунтов находился недалеко от этого поля, за холмом, и наверняка кому-нибудь из обитателей манора или арендаторов приходилось проходить той дорогой. Так что можно было ожидать новых данных по этому делу.

Хью поехал в сторону брода, свернув с широкой дороги, ведущей к часовне Святого Жилия, и направился вдоль берега по проселочной дороге. За деревьями, что окаймляли недавно вспаханный участок, начинались заливные луга, а за ними – невысокий лесистый склон, за которым на открытом пространстве находился манор Лонгнер, хорошо защищенный от наводнений. Одна сторона дома упиралась в склон, крутые каменные ступени вели к главному входу. Когда Хью въехал в открытые ворота, к нему подбежал конюх, ловко схватил поводья и осведомился, о чем доложить хозяину.

Молодой Юдо Блаунт, услышав внизу голоса, сам вышел посмотреть, кто это приехал. Он был знаком с шерифом графства и, тепло его приветствовав, пригласил в дом. Молодой владелец манора был человеком веселого и открытого нрава. Видно было, что он находится в гармонии со всем миром. Похороны отца семь месяцев назад, его героическая смерть тяжело переживались юношей, но в конечном счете это несчастье укрепило взаимное доверие и уважение между молодым господином и его арендаторами и служилым людом. Даже вилланы, трудившиеся на земле Блаунта, гордились своей причастностью к этому дому, глава которого, сражаясь вместе с Уильямом Мартелем, прикрывал отступление короля из Уилтона и погиб на поле брани. Молодому Блаунту едва исполнилось двадцать три года. Это был еще неопытный, не повидавший мир юноша, крепко привязанный к родной земле, как любой виллан – к своему господину. Он был довольно высокого роста, с приятными чертами лица, голубоглазый и светлокожий, с копной густых каштановых волос. Достойное управление доставшимся ему от отца и несколько запущенным еще во времена его деда манором было для молодого Юдо Блаунта предметом постоянных забот, но и доставляло ему радость. Он умел учиться на ошибках других и вел хозяйство твердо, надеясь оставить манор своему будущему наследнику в значительно лучшем состоянии, чем сам получил от отца. Хью вспомнил, что молодой Блаунт всего три месяца назад женился, и теперь его лицо светилось счастьем.

– Я явился с новостью, которая едва ли вас обрадует, – без всякого вступления начал Хью, – хотя нет причин полагать, что это доставит вам какие-то неприятности. Дело в том, что сегодня утром новые хозяева, монахи из аббатства в Шрусбери, начали пахоту на Земле Горшечника.

– Да, я слышал об этом, – кивнул Юдо. – Мой слуга Робин видел воловью упряжку. Буду рад, если эта земля станет давать добрый урожай, хотя теперь это меня не касается.

– Зато нас первый урожай, который дала эта земля, ничуть не обрадовал, – без обиняков заявил Хью. – Плуг на повороте у края поля наткнулся на мертвое тело. Это была женщина. Мы перенесли ее останки в монастырскую часовню.

Юдо Блаунт так резко прервал свое занятие – он наполнял вином бокал гостя, – что кувшин в его руке задрожал и вино разлилось. Он уставился на Хью полным недоумения взглядом и замер с приоткрытым ртом.

– Труп женщины? – после минутного молчания вымолвил он. – Что, она там была похоронена? Сколько же времени она пролежала в земле? И кто она такая?

– Нам об этом ничего не известно. Мы только можем сказать, что это – останки женщины. Умерла она, самое большее, лет пять тому назад, а возможно, пару лет или даже год назад. Не случилось ли вам в последние годы видеть здесь людей из чужих краев, не происходило ли что-нибудь такое, что привлекло ваше внимание? Я понимаю, вам незачем следить за этим участком – ведь последний год им владело аббатство в Хомонде. Но Земля Горшечника так тесно соседствует с вашей, что ваши вилланы должны были заметить чужаков. Вы никого не подозреваете?

Юдо отрицательно покачал головой:

– Я не бывал там с тех пор, как мой отец, да упокоит Господь его душу, отдал это поле Хомондской обители. Мне говорили, что какие-то бродяги часто заходили в пустой дом на этом участке во время последней ярмарки и какие-то путники ночевали в нем прошедшей зимой. Но кто они такие – мне неизвестно. Не слыхал я и о каком-нибудь несчастье или злодеянии, здесь случившемся. Поэтому новость, которую вы мне сообщили, чрезвычайно меня удивила.

– Нас всех тоже, – заметил Хью. В голосе его звучала печаль. Он поднял бокал с вином. В холле становилось темно, уже зажгли огонь. В открытую дверь было видно, как голубоватый туман наплывает на меркнувшее золото заката.

– Вам за последние годы не доводилось слышать о какой-нибудь женщине, заблудившейся в этих краях? – продолжал свои расспросы Хью.

– Нет. Мои люди живут поблизости от этого поля, они бы знали и, конечно, рассказали мне или моему отцу, когда он был еще жив. Он был хорошо осведомлен о происходящем в округе, ему докладывали буквально обо всем, зная, что он вряд ли позволит какому-нибудь злодею уйти безнаказанно.

– Да, это правда, – с теплотой в голосе заметил Хью. – Но вы ведь помните, что на том самом участке жила одна женщина, которая покинула свой дом, не сказав никому ни слова.

Юдо вновь посмотрел на Хью, и взгляд его больших голубых глаз выражал явное недоверие. Лицо его стало мрачным.

– Жена Руалда? – спросил он. – Это невозможно. Все знают, что она уехала отсюда, никакого секрета тут нет. Вы в самом деле считаете, что это произошло недавно? Но даже если и так, то думать, что это Дженерис, – нелепость! Она ушла с другим мужчиной, и никто ее за это особенно не винит: ведь муж ушел от нее в монастырь, а она все равно была связана узами брака. Мы старались помочь ей, чем могли, но ей этого было мало. Она хотела любить и быть любимой. Вдова может снова выйти замуж, но Дженерис не была вдовой. И она предпочла уйти отсюда со своим возлюбленным. Неужели вы серьезно думаете, что в часовне лежат останки Дженерис?

– Я в полном недоумении, – признался Хью. – Само место погребения и его способ вызывают так много вопросов, что поневоле растеряешься! Сейчас лишь несколько человек знают о происшедшем, но скоро эта новость распространится, и тогда пойдут толки и пересуды. Лучше, если вы сами опросите ваших людей и узнаете, не приметил ли кто чего-нибудь подозрительного, к примеру, не прятался ли кто в доме на Земле Горшечника приблизительно в то время, когда исчезла жена Руалда. И не было ли там другой женщины? Если нам удастся узнать имя покойницы, то это чрезвычайно поможет в разгадке сей таинственной истории.

Видно было, что только сейчас Юдо до конца осмыслил слова шерифа. Да, это было очень неприятно, хотя и не грозило как будто нарушить течение его упорядоченной жизни. Молодой человек погрузился в размышления. Он вертел в руках свой бокал, время от времени бросая взгляд на Хью, который сидел молча, не мешая ему думать.

– По вашему мнению, – наконец спросил Юдо, – найденная на поле женщина была убита и похоронена тайно? Значит ли это, что под подозрение может попасть Руалд? Я не верю, что он способен на преступление. Разумеется, я опрошу моих людей и извещу вас, если обнаружится нечто стоящее. Но я не сомневаюсь, что, если бы на Земле Горшечника мои люди заметили что-то необычное, я бы уже знал об этом.

– И все-таки, пожалуйста, проведите опрос. Всякий пустяк, на который можно не обратить внимания при обычных обстоятельствах, приобретает в данном случае большое значение. Я же соберу все доступные мне сведения о Руалде и его жене – опрошу всех, кто может что-либо знать. Он уже видел останки, – угрюмо добавил Хью, – и не смог с уверенностью сказать, его это жена или нет, но можно ли винить его за это – ведь любому мужчине, даже прожившему с женой много лет, сложно было бы опознать ее по одному скелету и волосам...

– Не мог он так обойтись со своей женой, – уверенно заявил Юдо. – Ведь она не сразу исчезла. Руалд находился в монастыре уже несколько недель, а она все еще жила у себя в доме и только потом покинула его. И если это она убита, то, скорее всего, какой-нибудь нищий, охочий до чужого добра, или же работник зарезал ее, польстившись на ее одежду или имущество.

– Вряд ли, – сказал Хью, поморщившись. – Она была похоронена в приличной одежде, лежала прямо, руки ее покоились на груди и сжимали грубый крест, сделанный из раковых веток. И никаких следов ранений или сломанных костей. Хотя, возможно, ее убили ножом, ударив прямо в сердце. Кто теперь расскажет об этом? Но погребена она была хоть и тайно, но с должным уважением. Вот что самое странное в этой истории.

Юдо покачал головой и нахмурился – удивление его все возрастало.

– А не священник ли похоронил ее, – предположил он, – если он случайно обнаружил ее труп? Хотя нет, он бы оповестил окружающих и, конечно, похоронил ее в освященной земле.

– Наверняка найдутся такие, – задумчиво проговорил Хью, – кто скажет, что это муж убил ее, ведь между ними были раздоры в последнее время, и что это она его довела до преступления... Но у нас нет пока причин подозревать Руалда – он вроде бы постоянно находился в обществе братьев, один никуда не выходил из монастыря, а его жену видели в это время живой и невредимой. Мы соединим воедино все показания и тогда будем точно знать, куда ходил и где был Руалд, после того как стал послушником. И спросим людей, не посещала ли эти места в последние годы какая-нибудь пришедшая женщина.

Понаблюдав с минуту через открытую дверь, как сгущаются сумерки, Хью поднялся со своего места:

– Я, пожалуй, поеду, и так отнял у вас много времени.

Юдо тоже встал с решительным видом, как будто готовый немедленно начать действовать.

– Вы поступили совершенно правильно, шериф, обратившись прежде всего ко мне. Будьте уверены, я сразу же опрошу своих людей. У меня странное чувство, что это поле все еще принадлежит мне. Ведь если земля переходит к другому владельцу или даже церкви, в ней все равно остаются наши корни. Я старался не проезжать мимо, чтобы не было искушения осуждать новых владельцев за то, что они не обрабатывают эту землю и она не приносит пользы. Я был искренне рад, услышав об обмене участками: знал, что наше аббатство найдет Земле Горшечника лучшее применение. По правде говоря, я не понял, почему мой отец решил подарить ее Хомондской обители, ведь ясно было заранее, что из-за дальности расстояния эту землю сложно будет использовать.

Юдо вышел проводить гостя, но, уже переступив порог дома, вдруг обернулся и задумчиво посмотрел на открытую дверь:

– Не задержитесь ли на минутку, шериф, чтобы сказать несколько слов моей матушке, пока вы не уехали? Она в последнее время совсем не выходит, а гости у нас бывают редко. Матушка не появлялась на людях со дня похорон моего отца. Ей будет приятно, если вы заглянете к ней.

– Конечно, я готов, – ответил Хью.

– Но прошу вас – ни слова о мертвой. Это расстроит матушку, ведь Земля Горшечника еще недавно принадлежала нам, а Руалд был нашим арендатором. Одному Богу известно, сколько бед выпало на ее долю, поэтому мы стараемся скрывать от нее дурные новости, особенно если беда случается вблизи нашего дома.

– Ни словом не обмолвлюсь, – пообещал Хью. – Как она себя чувствует? Ей не становится лучше?

Юдо Блаунт покачал головой:

– Никаких перемен к лучшему – она просто тает на глазах. Но ни на что не жалуется. Вы сами убедитесь. Пойдемте к ней.

Произнося эти слова, молодой человек понизил голос. Они уже пересекли холл и подошли к покоям больной. Юдо приподнял драпировку перед дверью, но замешкался. Он как будто не решался войти к матери. Ему, энергичному и здоровому, было неловко в присутствии больной – ведь он ничем не мог ей помочь. Наконец, пропустив вперед гостя, Юдо вошел в комнату и заговорил с сидевшей в кресле женщиной каким-то преувеличенно ласковым голосом, в котором ощущалось напряжение, как будто обращаться к ней его заставляло лишь чувство долга.

– Матушка, – сказал он, отводя глаза, – здесь Хью Берингар. Он приехал навестить нас.

Небольшую комнату, где находилась больная, согревала стоявшая на каменной плите маленькая жаровня, наполненная древесным углем. Вокруг царил атмосфера тишины и

покая. Освещал комнату прикрепленный к стене факел, под которым, обложенная коврами и подушками, сидела вдовствующая хозяйка Лонгнера. Ей было лет сорок пять, но долгая, изнурительная болезнь состарила ее, лицо было каким-то сморщенным, нездорового сероватого оттенка. Перед нею стояла прялка, и она одной рукой сучила шерсть, терпеливо и ловко вытягивая и скручивая нити. Хью подумал, что рука ее похожа на увядший лист. Она с удивленной улыбкой взглянула на гостя и отодвинула прялку:

– О Господи! Как это мило с вашей стороны, что вы зашли навестить меня! Мы не виделись целую вечность!

Они виделись в последний раз на похоронах ее мужа, семь месяцев назад, и вдове, должно быть, действительно казалось, что с тех пор прошла вечность. Она протянула Хью руку, которую тот поцеловал. Рука ее была легкой, как цветок анемона, и такой же прохладной. Большие, темно-синие глаза хозяйки Лонгнера смотрели на Берингара оценивающе и проницательно.

– Вы очень возмужали, с тех пор как стали шерифом, – сказала Доната Блаунт. – Ведь власть – это прежде всего ответственность. Я не столь тщеславна, чтобы поверить, будто вы приехали сюда только с целью навестить меня. Вы ведь очень занятой человек. У вас, должно быть, дело к Юдо? Но, что бы ни привело вас к нам, я очень рада вас видеть.

– Да, я и вправду очень занят, – сказал Хью, осторожно подбирая слова. – А к вашему сыну у меня действительно есть дело – но ничего серьезного, что могло бы вас встревожить. Мне не хотелось бы утомлять вас, поэтому не стану говорить о делах. Как вы себя чувствуете? Не могу ли я быть вам чем-нибудь полезен?

– В этом доме все мои желания исполняют прежде, чем я успеваю их высказать, – с улыбкой ответила Доната. – Юдо – добрая душа, я счастлива, что он выбрал себе такую прекрасную жену. Вам известно, что она уже ждет ребенка? Моя невестка такая здоровая и крепкая, просто кровь с молоком, и я уверена, что она родит Юдо чудесных сыновей. Он сделал правильный выбор. Так что я ни на что не жалуясь. Правда, иногда мне не хватает общения с людьми. У Юдо много забот, ведь он теперь владелец Лонгнера и всецело поглощен тем, чтобы преумножить доходы от хозяйства, особенно теперь, когда он ждет наследника. До того как мой муж отправился воевать, он рассказывал мне обо всем, что происходит в мире. Я была в курсе всего, что предпринимал наш король. А теперь я не знаю, что творится вокруг. Садитесь же и хотя бы коротко расскажите мне об этом.

Хью присел на скамью рядом с креслом хозяйки. Ему не показалось, что ее нужно защищать от вторжения внешнего мира – и близкого, и далекого, – и он решил удовлетворить ее просьбу, избегая говорить лишь о том, что больше всего в данный момент его волновало.

– Перемен в наших краях очень мало. Граф Глостерский хочет превратить наш юго-запад в вотчину императрицы Матильды. Обе стороны удерживают свои прежние позиции, и ни одна вроде бы пока не собирается сражаться. Слава Богу, мы находимся сейчас в стороне от военных действий.

– Это звучит так, – сказала Доната, проницательно глядя на гостя, – словно вы располагаете не только такого рода новостями. Послушайте, Хью, я вас очень прошу, раз уж вы здесь, – впустите ко мне немного свежего ветра, который не может пробиться сюда из-за частокола, возведенного моим сыном Юдо. Он держит меня в подушках – и в прямом, и в переносном смысле, – а вам не следует этого делать.

Хью показалось, что его неожиданный визит благотворно подействовал на больную. На ее бледном изможденном лице появился легкий румянец, а глаза молодо заблестели.

– Новостей отовсюду хоть отбавляй, – с грустной иронией сказал он. – Пожалуй, их даже слишком много, чтобы король мог спать спокойно. В Сент-Олбанс, например, многие лорды при дворе обвинили графа Эссекса в том, что он вновь вступил в предательскую сделку с императрицей и замышляет свергнуть короля. Его вынудили отказаться от должности начальника

охраны Тауэра и предложили в обмен на свою жизнь отдать в королевскую казну замок и земли в Эссексе.

– И он согласился на эти условия? Но каков, однако, этот граф Эссекс, Джеффри де Мандевиль! – воскликнула Доната, пораженная такой новостью. – Мой муж никогда не доверял графу Эссексу: самонадеянный, надменный человек – так он отзывался о нем. Этот лорд слишком часто менял свои симпатии, так что вполне возможно, что и на сей раз он что-то замышляет. Хорошо, что его вовремя приперли к стенке.

– Да, но дело на этом не кончилось. Поскольку Джеффри де Мандевиль согласился на их условия, его отпустили на свободу, а он кинулся в свое графство, собрал там отчаянных головорезов и напал на Кембридж: разграбил его – не только дома, но и церкви, а потом поджег город.

– Кембридж?! – не веря своим ушам, воскликнула Доната. – Неужели Эссекс осмелился напасть на такой город, как Кембридж? Король должен непременно выступить против него! Нельзя же допустить, чтобы он безнаказанно грабил и жег города!

– Если б это было так просто! – огорченно промолвил Хью. – Граф Эссекс знает Кембридж и соседние графства как свои пять пальцев, и, пока он там, будет нелегко вынудить его на открытое сражение.

Доната наклонилась и ногой привела прялку в движение. Полуопущенные веки ее глубоко запавших глаз были мраморно-белыми, с прожилками, как лепестки подснежника. Она старалась не показывать, что каждое движение доставляет ей боль, но можно было догадаться об этом по ее чрезмерно осторожным движениям и плотно сжатым губам. Ее оживление прошло, и глаза потухли.

– В тех краях находится мой младший сын, – сказала она ровным тоном. – Вы помните, наверное, что Сулиен решил стать монахом. Он выбрал аббатство Рэмзи и с сентября прошлого года проходит там срок послушничества.

– Да, я помню. Когда Сулиен в марте вернулся в Лонгнер с телом вашего супруга, я решил было, что он передумал. Я не стал разяснять юноше, что значит быть монахом. Наблюдая за ним, я пришел к выводу, что он обладает отличным аппетитом ко всем радостям жизни, поэтому я был уверен, что за эти полгода он понял, что не создан для монастырской жизни. Но нет, после похорон отца Сулиен вернулся в аббатство. Жаль... Ведь он наверняка об этом пожалеет.

С минуту Доната молча смотрела на Хью, и он увидел, как снова заблестели ее глаза. Легкая улыбка чуть тронула ее губы.

– Когда Сулиен в тот раз приехал, я так надеялась, что он останется... Но нет, он вернулся в Рэмзи. Значит, он окончательно все продумал. Видно, с призванием не поспоришь.

Слова Донаты прозвучали для Хью как приглушенное эхо непоколебимого стремления другого человека – Руалда – уйти из мира, покинуть жену и семейный очаг. Они еще отдавались в ушах шерифа, когда он уже в сумерках наконец расстался с Юдо и Донатой и, вскочив на коня, отправился домой. От Кембриджа до Рэмзи каких-нибудь двадцать миль, не больше, размышлял он на обратном пути. На расстоянии двадцати миль на северо-восток, недалеко от Лондона, расположился головной отряд войска короля Стефана. Вокруг – непроходимые болота, а на носу зима. Стоит де Мандевилю – этому бешеному волку – разбить лагерь в этом болотистом, топком краю, и королю Стефану будет непросто выкурить его оттуда.

Брат Кадфаэль несколько раз, пока продолжалась пахота, наведывался на это злополучное поле, но Земля Горшечника больше не преподносила своим новым владельцам неприятных сюрпризов. Пахарь, особенно осторожно проходя каждый поворот, продолжал распахивать участок, опасаясь новых подобных же находок, но земля была мягкой, черной и безгрешной. «Земля, – сказал Руалд, – всегда безгрешна. Ее могут запятнать лишь наши поступки». Кад-

фаэль снова вспомнил эти слова. Они почему-то крепко засели в памяти. Да, земля безгрешна, как и многое другое – знание, мастерство, сила, – и только человек может употребить их во зло. Кадфаэль предавался подобным размышлениям, любясь осенней красотой Земли Горшечника, полого спускавшейся к реке и окаймленной зарослями кустарника и купами деревьев. Он думал о человеке, который когда-то долгие годы работал здесь и потом бросил эту землю, на которой трудился и откуда черпал глину. Всякий, кто знал его раньше, сказал бы, что это доброжелательный и скромный человек, хороший семьянин и честный труженик, отлично знающий свое ремесло. Но можно ли до конца узнать другого человека? Кто мог сказать, что хорошо знает Руалда, в прошлом – гончара, а ныне – монаха-бенедиктинца?

Новость об останках, найденных на Земле Горшечника, вскоре широко распространилась. Повсюду толковали о женщине, пятнадцать лет жившей на этом участке и внезапно, без предупреждения, исчезнувшей. И винили во всем мужа, покинувшего ее, потому что ему взбрело в голову стать монахом.

По благословению аббата останки покойницы были перезахоронены в неприметном уголке кладбища, со всеми надлежащими обрядами, хотя и без упоминания ее имени. Сам манор Лонгнер и все его владения с точки зрения духовной юрисдикции до недавнего времени находились в ведении Честерского епископата, а затем вся эта территория отошла к приходу Святого Чэда в Шрусбери. Но поскольку никому не было известно, была ли покойница местной прихожанкой или же пришла издалека и здесь нашла свою смерть, аббат Радальфус принял мудрое решение – дать ей место в земле аббатства и покончить по крайней мере с одной проблемой из многих, связанных с этой злополучной находкой.

Но если останки неизвестной женщины в конце концов упокоились на освященной земле, то пересуды, связанные с этим делом, все не утихали.

– Ты пальцем не пошевелил, чтобы установить за ним надзор, даже не допросил его как следует, – упрекнул брат Кадфаэль Хью Берингара, когда они в конце долгого дня сидели около сарайчика в садике, где Кадфаэль выращивал свои целебные растения.

– Но пока в этом нет нужды, – ответил Хью. – Если понадобится, за этим дело не станет. Он не сбежит. Ты же сам видел, что он воспринимает все как наказание, ниспосланное ему Богом, – и речь идет не об убийстве, а его новых грехах, которые он только сейчас осознал. Если он решит, что мы считаем его виновным, он и это снесет с кротостью и благодарностью. Ведь это будет проверкой глубины его веры и терпения. Никто не заставит его бежать от наказания. Я занимаюсь сейчас тем, что собираю сведения о его перемещениях за пределами монастыря – примерно в то время, когда исчезла его жена. И если у меня будут достаточные основания подозревать его в убийстве – я знаю, где его найти.

– А пока, ты считаешь, нет таких оснований?

– Их не больше и не меньше, чем в первый день. Против него то обстоятельство, что никто не знает другой женщины, исчезнувшей из этих краев в последние годы. Место находки трупа, раздоры между супругами – все это свидетельствует против Руалда и склоняет к мысли, что покойная – Джерис. Но, с другой стороны, она была жива-здоровая и после того, как Руалд пришел в монастырь, и я сомневаюсь, что он встречался с ней наедине, без брата Павла. И никто не помнит, чтобы его одного посылали на какие-нибудь работы. В общем, Кадфаэль, мне не за что уцепиться. У нас есть пустая рама от картины, – продолжал Хью, раздражаясь от собственного бессилия, – и в нее можно вставить только Джерис и Руалда, но здесь что-то не сходится, хотя и никого другого мне туда не всунуть. Не знаю, чем – и кем – заполнить эту картину. Вот так-то, брат.

– Значит, ты не очень веришь, что Руалд виновен, – сделал вывод Кадфаэль и улыбнулся.

– Я и верю и не верю. Пока я наблюдаю. Руалд ведь будет стоять на своем, даже если весь свет на него ополчится. В его нынешнем настроении он любые обвинения воспримет как наказание Божие и будет терпеливо ждать избавления.

Глава четвертая

Утро восьмого октября выдалось хмурое. Моросил мелкий дождик. Жители Форгейта, укрывшись мешковиной, спешили по своим делам. По главной дороге, мимо площадки, где устраивались лошадиные торги, медленно шел молодой мужчина в облачении монаха-бенедиктинца, низко надвинув на глаза капюшон рясы. Он ничем не отличался от других монахов, отправившихся в это ненастное утро на монастырские работы или спешивших с различными поручениями. Братьев-бенедиктинцев часто можно было видеть на дороге между аббатством и часовней Святого Жилия. Они обычно выходили из монастыря рано и возвращались к мессе и чтению Святого Евангелия. Походка у молодого бенедиктинца была размашистая, но видно было, что передвигается он с трудом. Рясу он приподнял до колен, а его обутые в сандалии мускулистые, правильной формы ноги были по самые икры забрызганы грязью. Было похоже, что путь, который он проделал, был гораздо длиннее, чем до часовни и обратно, и дороги, по которым он проходил, были не такими удобными, как форгейтская.

Путник был довольно высокого роста, с гибкой, еще по-юношески угловатой фигурой – такими угловатыми и пружинистыми бывают годовалые жеребята. Брат Кадфаэль с удивлением наблюдал, как вошедший в обитель молодой бенедиктинец странно передвигает ноги, как будто каждый шаг дается ему с большим трудом. Кадфаэль как раз направлялся в свой садик и на повороте оглянулся в тот момент, когда юноша подошел к привратницкой. Что-то заставило Кадфаэля остановиться. Он заметил, что юноша в монашеской рясе, заговорив с привратником, держится как незнакомец, наводящий о ком-то справки. Он явно был не из здешней братии. Внимательно взглядевшись, Кадфаэль подумал, что никогда не встречал его прежде. В своей черной, порыжелой от времени рясе с надвинутым на глаза капюшоном он ничем не отличался от остальных, но Кадфаэль не мог признать в нем никого из их большой монастырской семьи: ни певчего из церковного хора, ни послушника, ни служку. Очевидно, что этот юноша не принадлежал к обители Святых Петра и Павла. Конечно, из любого бенедиктинского монастыря в Шрусбери могли прислать посыльного с каким-нибудь поручением. Но было что-то в незнакомом монахе, что обращало на себя внимание. Он пришел пешком, а обычно гонцам дают лошадь или хотя бы мула. А расстояние, пройденное молодым бенедиктинцем, было немалым, судя по его внешнему виду: он еле передвигал заляпанные грязью ноги и не мог скрыть усталости.

Что-то более важное, чем просто грех любопытства, заставило Кадфаэля забыть, что он собирался поработать у себя в садике, и двинуться через двор к привратницкой. Это было как раз перед обедней. Из-за ненастной погоды все, кто отваживался по делу выйти наружу, торопились как можно быстрее вернуться в помещение, поэтому в эту минуту во дворе не было видно никого, кто бы мог проводить посетителя или отнести прошение. И поскольку любопытство все-таки захватило Кадфаэля, он приблизился к привратницкой и с готовностью спросил у юноши:

– Брат, могу я тебе помочь? Куда тебя проводить?

– Наш брат говорит, – ответил за незнакомца привратник, – что ему дано распоряжение самому доложить нашему настоятелю о том деле, по которому его прислали. А уж после этого идти отдыхать.

– Аббат Радульфус еще у себя, – сказал Кадфаэль, – я только что видел его. Может быть, мне доложить о тебе? Если твое дело серьезное, он, разумеется, примет тебя.

Юноша откинул назад намокший капюшон и провел рукой по темно-каштановым с золотистым отливом, курчавым волосам. Отсутствие тонзуры говорило о том, что молодой человек еще не принял постриг и был только послушником. Лицо его было овальным, с широко расставленными глазами и упрямым волевым подбородком, покрытым нежным золотистым пуш-

ком. Хотя юноша сильно притомился и ноги у него гудели от усталости, долгий путь, казалось, не причинил ему большого вреда – здоровый румянец покрывал его щеки, а взгляд светло-голубых глаз, устремленный на Кадфаэля, был живым и внимательным.

– Вот было бы замечательно, если б он сейчас принял меня! – воскликнул юноша. – Мне хочется поскорее смыть с себя дорожную грязь, но сперва надо выполнить поручение. Это очень важно для нашего ордена – и для меня самого, хотя и в меньшей степени, – добавил он, стряхивая воду с капюшона и наплечников.

– У нашего аббата может быть свое мнение, – сказал Кадфаэль, – но ты скоро это узнаешь. Пойдем со мною.

С этими словами Кадфаэль кивнул брату-привратнику и, приноравливаясь к шагу юного послушника, через широкий двор двинулся к покоям аббата. Привратник тут же скрылся в помещении, не желая мокнуть под дождем.

– Сколько же времени ты находился в пути? – спросил Кадфаэль, когда они пересекли двор.

– Неделю. – Голос у юноши был чистый, низкого тембра и очень подходил к его внешности. Кадфаэль рассудил, что ему не более двадцати лет, а возможно, и меньше.

– Тебя так далеко послали одного с серьезным поручением?

– Брат, всех нас посылают по разным делам. Прости меня, если я утаю от тебя то, что обязан сообщить прежде всего вашему настоятелю, и как можно быстрее. Только он может решить этот вопрос.

– Ты можешь на него полностью положиться, – заверил юношу Кадфаэль и больше ни о чем не стал его расспрашивать. Мудрый монах понял, что у посланца действительно важное дело – в его голосе прозвучало еле сдерживаемое отчаяние. Тем временем они подошли к покоям аббата. Кадфаэль беспрепятственно провел своего спутника в переднее помещение и постучал в полуоткрытую дверь приемной. Получив разрешение, Кадфаэль вошел. Перед аббатом Радульфусом на столе лежал полуразвернутый пергаментный свиток, длинный указательный палец аббата остановился на строке, которую он читал в этот момент. Он вопросительно взглянул на вошедшего.

– Отец мой, – обратился к нему Кадфаэль, – здесь, за дверью, послушник из дальнего монастыря нашего ордена. Он явился к вам с поручением от своего настоятеля и с каким-то важным известием. Вы позволите ему войти?

Аббат Радульфус, нахмурившись, внимательно посмотрел на Кадфаэля, с трудом оторвался от занимавших его перед этим мыслей и, сосредоточившись, спросил:

– Из какого монастыря его прислали?

– Я не поинтересовался, – ответил Кадфаэль, – а сам он ни о чем не рассказывал. Ему поручено обо всем доложить лично вам. В дороге он находился неделю и весь путь, кажется, проделал пешком.

– Хорошо, проводи его ко мне, – сказал аббат, отодвигая от себя пергамент.

Юноша, войдя в приемную, низко поклонился настоятелю и с видимым облегчением глубоко вздохнул. Из его уст вдруг стремительно хлынули слова, теснясь и обгоняя друг друга.

– Отец мой! Я к вам с дурными вестями из аббатства Рэмзи! Люди из Эссекса и Кембриджа превратились в сущих дьяволов. Джеффри де МанDEVиль захватил наше аббатство и вознамерился сделать из него неприступную крепость. Тех из нас, кто еще оставался в живых, он выгнал, как нищих, на дорогу. Аббатство Рэмзи стало логовом воров и убийц.

Юноша изложил все это, не дожидаясь позволения или каких-либо вопросов со стороны аббата, буквально захлебываясь словами, которые лились из него, как кровь из открытой раны. Кадфаэль, замешкавшись на пороге, наконец стал медленно прикрывать за собой дверь, чтобы оставить их одних, и вдруг услышал перекрывающий быструю речь юноши громкий голос аббата:

– Останься здесь, брат Кадфаэль. Мне скоро понадобится посыльный.

Строго посмотрев на молодого послушника, настоятель сказал внушительно:

– Отдышись, сын мой! Присядь, обдумай свои слова, я хочу услышать вразумительный подробный рассказ. Несколько лишних минут в сравнении с твоим семидневным путем значат очень мало! Итак, во-первых, мы здесь ни о чем подобном не слышали. Ты добирался до нас пешком целую неделю, и я поражен, что эта новость не дошла до нашего шерифа гораздо раньше. Ты что же, единственный, кто выбрался живым из этой переделки?

Рука Кадфаэля легла на плечо юноши, и он, весь дрожа, покорно сел на скамью у стены.

– Отец мой, – сказал он после короткого молчания, – у меня, как и у любого другого посланца, были бы большие затруднения, вздумай я отправиться в Шрусбери верхом. Думаю, мне не удалось бы убедить людей де Мандевиля, что я не послан с вестями к королевскому шерифу, и тогда вряд ли я сохранил бы себе жизнь. Люди де Мандевиля грабят жителей трех графств, отбирают домашний скот, луки и мечи. Они, словно волки, набрасываются на любого человека в седле. Может, я и добрался сюда первым, потому что с меня нечего было взять и им незачем было убивать меня. Вероятно, Хью Берингар еще ничего не знает об этой беде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.